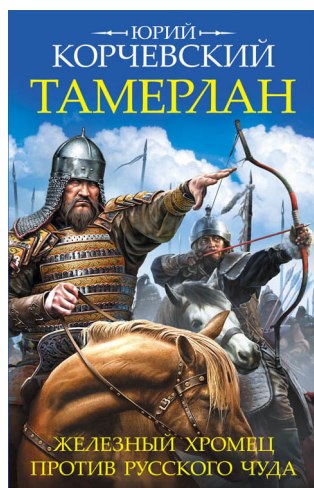

Исторические приключения

Юрий Корчевский

**Тамерлан. Железный Хромец
против русского чуда**

«Яуза»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

Тамерлан. Железный Хромец против русского чуда
/ Ю. Г. Корчевский — «Яуза», — (Исторические
приключения)

1395 год. После победы на Куликовом поле прошло полтора десятка лет, а судьба Русской Земли вновь висит на волоске. «Над городом и окрестностями плыл звук соборного колокола — бам-м-м, бам-м-м, бам-м-м! Просыпайся, Русь, бери оружие в руки: враг у ворот!» Разгромив Золотую Орду и покорив Крым, грозный ТАМЕРЛАН идет войной на Москву. Уже пало Елецкое княжество, непобедимое войско Тимура штурмует пограничный город: «Завыла боевая труба, и гулямы ринулись в атаку. Причём — конно! Подскакав вплотную, они круто поворачивали коней, прямо с них прыгали на деревянную стену и карабкались вверх, цепляясь за воткнутые копья и помогая себе ножами. Дружинники стреляли из луков, метали сулицы, поливали врагов кипящей смолой. В иных местах гулямам удалось взобраться наверх, и сейчас там рубились на саблях. Дрались неистово, сеча превратилась в бойню, мясорубку. Стены стали скользкими от крови...» Проведав о нашествии, сын Дмитрия Донского Василий выступает навстречу «Железному Хромцу», чтобы принять бой. Но силы слишком неравны — пятитысячная московская рать против двухсоттысячных Тимуровых полчищ. Спасти Русь может лишь чудо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корчевский Ю. Г.

© Яуза

Содержание

Глава 1. Тамерлан	7
Глава 2. Елец	18
Глава 3. Тохтамыш	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Корчевский
Тамерлан. Железный Хромец
против русского чуда

© Корчевский Ю.Г., 2016

© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2016

Глава 1. Тамерлан

Тимур тяжело покачивался в седле. Видно, завтра будет непогода – разнылась раненная когда-то нога. Устал он: все время в седле, в походах. Конечно, можно ехать и в кибитке, как предлагал визирь. Вот она, украшенная по чину, крытая, с мягким ложем и бронзовым мангалом для обогрева следует за отрядом телохранителей. Но Тимур – мужчина, воин, а не изнеженный диван-беги, он должен показывать воинам пример.

Путь был долгий, холодно, потому как зима, но как он может спросить с лучника за неверный выстрел, если сам будет в тепле, а у воина от холода не гнутся пальцы? Да и привык он уже к седлу, полжизни в нем прожил.

Тимур с гордостью посмотрел на свое знамя с тремя кольцами, вышитыми золотыми нитями. Мог ли он, сын мелкого феодала-землевладельца, даже мечтать, что станет грозой и владыкой половины мира? Столько походов с тех пор совершено, столько крови пролито – и своих единоверцев, и чужой, тех же армян, грузин, персов, черкесов. Так нет же, нейдет этому выскочке, этому волчонку Тохтамышу, которого Тимур приютил в свое время, спас от преследования и неминуемой гибели, дал войско, пусть и небольшое. Не из жалости или сострадания – нет, не знал Тимур такого слова – «жалость». Но дальновиден был и нужен был ему союзник в Золотой Орде.

Междоусобицы в улусе Джучи начались давно – еще с 1359 года, когда был убит Бердибек, сын Джанибека. С той поры на престоле сменилось двадцать пять ханов, некоторые из них успели «процарствовать» всего несколько месяцев. Так, Урус-Ханом был казнен Туй-Ходжа, глава Мангышлака. Его сын Тохтамыш, испугавшись за свою жизнь, бежал к Тимуру, в ту пору – эмиру Чагатайского улуса. Тимур тогда мне был всемирно известен, но любезно принял молодого царевича. Тамерлан уже тогда строил грандиозные планы покорения мира, но на пути его стояла обширная, мощная и все еще богатая Золотая Орда.

Тохтамыш имел законное право на престол в Сарае. Через молодого джучида Тимур и хотел прибрать к рукам улус Джучи, тем более что царевич был энергичен, умен и вполне мог сесть на трон.

Тимур оказал ему высокий почет, поставив во главе еще не завоеванных Соурана, Отрара и Сыгнака. К тому же последний был центром Кок-Орды. На эти города Тимур не имел права, поскольку они были частью Золотой Орды, и Урус-хан выжил Тохтамыша оттуда, его сыновья разбили войско, данное царевичу.

Все же Тохтамыш оказался предприимчив, вновь собрал войско, двинулся на запад, овладел Хорезмом, а потом и Сараем, выжив из него известного темника Мамаю, проигравшего Куликовскую битву русскому князю Дмитрию. Тохтамыш гнался с войском за Мамаем, настиг его на реке Калке, где и произошло решающее сражение. Царевич одержал блистательную победу, но Мамай ускользнул от его воинов и сбежал в Крым, где и был убит генуэзцами. В Сарае же воцарился Тохтамыш. Случилось это осенью 1380, уже далекого, года. Царевич развил бурную деятельность, укрепляя Алтын Орду (Золотую Орду) и добился в том немалых успехов.

Почувяв силу, пару лет спустя Тохтамыш двинулся на Москву, заставив князя Дмитрия, прозванного Донским, вновь признать ордынскую власть и платить традиционную дань.

Признал силу Тохтамыша и правитель сильный, литовский великий князь Ягайло. Тохтамыш же из волчонка превратился в волка и из друга превратился во врага Тимура.

Но час расплаты настал. Тимур собрал огромное войско в двести тысяч воинов – конных и пеших – и теперь идет к землям Алтын Орды, к его сердцу – Сараю. В одном только Тимур завидовал Тохтамышу – тот был из знатного рода, пусть и далекий, но потомок Чин-

гисхана. Тимур же никогда не сможет стать ханом, даже если покорит весь мир – только эмиром, пусть и великим. Не течет в его жилах княжеская кровь.

– Великий эмир! Да продлит Аллах твои годы! – к Тимуру, сквозь плотный строй отборной сотни телохранителей, подскочил посыльный.

Тимур поморщился.

– Говори!

– Начальник дозорного кошуна нижайше доносит, что в степи окружен и после боя взят в плен дозор хана Тохтамыша.

– Доставить ко мне их десятника!

Посыльный отвесил глубокий поклон, вскочил на лошадь и умчался. Конечно, десятник – птица невысокого полета, но и он мог что-то знать о тылах и планах Тохтамыша.

Опыта и хитрости, так же как и мудрости, не хватает Тохтамышу. Ведь в третий раз встречаются они как противники на поле боя. Дважды выигрывал Тимур бои, но везучий Тохтамыш дважды удачно ускользал невредимым и вновь собирал армию. Прямо как птица феникс! Глупец, он надеется только на силу!

Когда Тохтамыш вероломно вторгся на земли Тимура, то был разгромлен. Но тогда роковую роль сыграла неопытность хана. В своем послании хан просил Тимура простить его недостойный поступок и в случае прощения обещал ему быть во всем послушным.

Тимур созвал курултай 21 февраля 1391 года и, посоветовавшись с эмирами, решил наказать Тохтамыша. Тамерлан не пренебрегал разведкой. Его доверенные люди собирали сведения о Тохтамыше через купцов. И Тимур двинул огромное войско через Яссы, Соуран, Карачук и по реке Сырасу.

Поднявшись до Тобола, он круто повернул на запад. Время великий эмир выбрал удачно – Тохтамыш был не готов к отражению нашествия, поскольку Тимур пошел в обход. И узнал Тохтамыш о движении войск Тимура только 6 апреля. Срочно послал он гонцов во все стороны, собирая свои войска. Воины стягивались на правый берег Яика. Тохтамыш предполагал сосредоточить свои войска в Крык-Куле и ударить по противнику во время переправы через реку Яик. Обычно во время форсирования реки войско не готово к отпору, уязвимо.

Но Тимур разгадал замысел Тохтамыша, совершил переправу в верховьях Яика, где его никто не ждал, и Тохтамыш был вынужден отступить от Крык-Куля, где он поджидал запаздывающие части из Азова. Тохтамыша они не застали и стали легкой добычей Тимура. Но и без этих войск силы Тохтамыша были около двухсот тысяч и примерно равны войскам Тимура.

Преследуя врага, Тимур переправился через Сакмару, Самару и Сок и подошел к пределам бывшего Булгарского царства. Тохтамыш решил принять бой на реке Кондурче, севернее Самарской луки, когда, по его расчетам, войско Тимура ослабнет от непрерывных переходов. Конечно, доля истины в том была – ведь войска Тимура уже полгода шли по вражеской территории и страдали из-за нехватки продовольствия.

Но выбор места сражения Тохтамышем был сделан неудачно. В этом месте река Кондурча сначала течет на северо-запад, затем поворачивает на юго-восток и впадает в реку Сок, образуя треугольник перед впадением в Итиль (Волгу). В случае вынужденного отступления войско Тохтамыша легко могло быть прижато к Итилю и подвергнуться разгрому.

Этот промах Тохтамыш Тимур учел. Поскольку военная судьба может быть переменной, на этот случай Тимур имел удобный рубеж – реку Сок, позволявшую ему организовать крепкую оборону.

Перед боем 18 июня 1391 года Тимур разделил армию на семь корпусов, выделив для прикрытия флангов по одному корпусу, и один корпус был в резерве.

Татары оказались верны старой тактике Чингисхана, предусматривающей обход врага с флангов. Но и Тимур имел в рукаве несколько козырных тузов.

Он подкупил некоторых военачальников Тохтамыша через доверенных людей в ставке врага. Так, хан Идигей из знатного рода перешел со своим войском к Тамерлану.

Перед боем по старой и священной традиции перед войсками выходили на поединок воины из противостоящих армий.

От Тохтамыша вышел Бий Кикчан – воин огромного роста, силы и свирепости. Одного за другим он сокрушал поединщиков Тамерлана. Боевой дух воинства Тамерлана падал. И тогда на бой с Бий Кикчаном вышел перебежчик из стана Тохтамыша – сам хан Идигей.

Бой поединщиков был жестоким, кровопролитным, но в итоге багатур Бий Кикчан был убит.

Войска сошлись в схватке. И хотя до исхода битвы было далеко и неизвестно, чья бы взяла, Тамерлан приказал войскам кричать: «Враг побежал!»

Дрались отчаянно. Ведь еще во времена Чингисхана за трусость в бою одного воина казнили весь десяток. Струсил один – казнили десятерых, бежал с поля боя десяток – казнили всю сотню. Метод устрашения жестокий, но действенный.

Но у Тамерлана оставался еще один туз, и он его использовал в решающий момент. Тимур заранее подкупил знаменосца Тохтамыша.

Воины,десятники,сотники,тысячники и темники в ходе сражения наблюдали за знаменем. Рядом со знаменосцем были и сигнальщики, подающие знаки бунчуками на древках копий.

У каждого тумена, тысячи, сотни были свои бунчуки. Качнулся бунчук тумена вправо – и тумен послушно поворачивает, куда ему велит командующий.

В решающий момент знаменосец по сигналу Тимура уронил, поверг знамя. Воины восприняли это как сигнал к отступлению. Несмотря на то что на отдельных участках татары одерживали верх, остальные побежали, ломая строй и внося панику. Ну а уже дальше воины Тамерлана рванулись вперед, догоняя, рубя и коля татар. Битва превратилась в побоище.

Добивание длилось почти до вечера. Татарам удалось добраться до берегов Итиля, где многие утонули при переправе. А Тамерлан в течение трех недель стоял на месте сражения. Воины его собирали оружие, грабили окрестные аулы, искали уцелевших татар. В этой битве пало около ста тысяч татар и других союзников Тохтамыша. Потери огромнейшие, если иметь в виду, что на поле Куликовом потери обеих сторон едва достигали сорока тысяч.

Тамерлан привел домой огромное количество пленных. Тохтамыш с небольшим отрядом приближенных – беков, ханов – воинов опять благополучно ускользнул.

Вспоминая об этом походе, Тамерлан усмехнулся в рыжеватые усы. Хотя добить Тохтамыша надо было. Но войско понесло тяжелые потери. Ничего, сейчас он не повторит своего прошлого промаха, добьет волка в его логове. А на трон посадит какого-нибудь «ручного» хана, может быть, того же Идигея. Ох, нельзя верить татарам до конца. Недоверие и нелюбовь к татарам пока еще от Чингисхана тянутся. Ведь отца его отравили именно татары. И хоть в войско татар брали – не пренебрегали сильным союзником, ставили их обычно впереди, – там, где при столкновении потери были наибольшими. Хотя в умении воевать им не откажешь. К седлу сызмальства приучены, луком владеют отменно, но хитры, коварны, всегда камень за пазухой держат.

Взять того же Идигея. Ведь они были с Тохтамышем друзьями, и судьба их вначале была похожей. Оба бежали к нему, Аксак-Тимуру. В годы своей молодости, спасаясь от Урусхана и его сыновей, обоих принял и обласкал Тимур. А в дальнейшем их жизненные пути разошлись. Тохтамыш стал во главе Алтын Урды и начал враждовать с Тимуром. А Идигей перекинулся с войском к Тимуру. Внешне – ничего особенного: среднего роста, смуглый, плотного телосложения, страшноватого вида. Но умен, сообразителен и отважен.

Происхождением Идигей был из «ак-мангыт» – белых мангыт, или ногайских татар. Его отец Балыча был беклере-беком при дворе Тимур-Мелика. Тохтамыш победил и убил

Тимур-Мелика, предложив Балыче перейти к нему в услужение. Беклери-бек отказался и был казнен.

Убийство отца вызвало кровную вражду между Тохтамышем и Идигеем, но Идигей не был джучидом, как Тохтамыш, и не имел права на престол. Его надеждой править в Орде был лишь он, Тамерлан. Потому и перешел с войском Идигей на его сторону и служил преданно, как верный пес. А теперь он ехал в одном войске с Тамерланом, в передовом дозоре – указывал путь, поскольку местность знал хорошо.

Поход начинался тяжело – выпал снег, было холодно. Кони добывали себе прокорм сами, разгребая копытами снег и добираясь до пожухлой травы, но долго так продолжаться не могло. Однако Тимур хотел выиграть время – к моменту его прихода в логово врага должно было потеплеть, вылезет новая трава, и кони будут сыты.

Тимур к набегам подходил всегда основательно: для начала определял численность боеспособного войска противника, где расположены города, какие у них крепостные стены, каков гарнизон. Потом – местность: реки, дороги, горы, перевалы. Немаловажное обстоятельство – населяющие эти земли народы. Среди них были как скрытые союзники, так и непримиримые враги.

Время года также определяло начало боевых действий. Зимой воевать было несподручно – холодно, корма для лошадей, верблюдов и быков недостаточно, топлива для костров, обогрева и приготовления пищи – тоже. То ли дело – лето: трава по пояс, тепло, одежда не стесняет движения воинов в бою. Есть еще один фактор – сплоченность правящей верхушки в стане врага. Если там раздоры, междоусобица – очень хорошо! Всегда можно подкупить ханов или эмиров с их войском, даже посулить посадить на трон. Такие всегда находились, оказывая действенную помощь, подрывая единство изнутри.

А решающий фактор в любой войне – собственное, сильное и могучее войско. При огромной, хорошо подготовленной, вооруженной и экипированной армии можно разбить любого врага. А в том, что любой армии нужен еще и мудрый военачальник, Тимур не сомневался – это подразумевалось. Еще у себя, в Чагатайском уезде, при сборе армии, Тамерлан лично провел смотр войскам. Каждый воин должен был иметь основную и заводную лошадь с качественной сбруей. Оружие – лук, колчан с тридцатью стрелами, щит, копье и сабля – должно было быть в порядке, вычищено и наточено.

На каждый десяток воинов выделялась арба с погонщиком, на которой находились необходимые в походе инструменты и вещи: две лопаты, две мотыги, коса, пила, топор, шило, запасные наконечники для стрел, вилы, веревки, котел для пищи, бурдюки для водных переправ.

Каждому воину в походе полагался в войсковом обозе провиант, среди которых основные – мука, сухой сыр – крут и крупы.

За организацию армии Тимур взял десятичную систему построения войска, введенную в своем войске Чингисханом. Низшее звено – десяток воинов, потом – полусотня, сотня, тысяча и наконец – десять тысяч или тумен. Но вместе с этим он ввел и новые подразделения – численностью в пятьсот воинов, а также корпуса. Армия делилась на конницу, легко- и тяжеловооруженную, и пехоту. Конница давала мобильность, а пехота была нужна при осаде крепостей и состояла в основном из лучников.

Кроме воинов, ударного кулака армии, были еще и вспомогательные отряды – понтонеров и инженеров. Например, татары переправлялись через реки, надув воздухом бурдюки и держась за хвосты своих коней. Для быстрого форсирования воины Тимура тоже переняли этот способ. Но если рядом не было врага, переправу наводили понтонеры, и затем по временному мосту переправлялась армия и главное – обозы. Арбу с грузом вплавь не переправишь, а без того же медного котла-кумгана воина не накормишь. Потому хороший полководец – не только умный военачальник, но и тыловик.

Походы длились долго: короткие – месяцами, длинные – годами. Без тщательной подготовки можно выиграть одно сражение, но не войну. Какой спрос может быть с воина, если он давно досыта не ел, а лошади ослабели от бескормицы?

К Тимуру подскакал начальник телохранителей, ведя в поводу лошадь. Он ловко соскочил и согнулся в поклоне.

– Сахибкиран, доставили пленного десятника!

Тамерлан поморщился. Придворные льстецы называли его «сахибкираном», или рожденным под счастливой звездой. Тимуру это не нравилось, он ясно понимал, что, покачнись его воинская удача, – льстецы и лизоблюды кинутся искать более надежного и богатого хозяина.

Сам Тимур был неграмотен, но умен. Кроме родного тюркского языка он прекрасно знал фарси и любил беседовать с учеными, поэтами, хорошо знал историю. Тимур заботился лишь о процветании родного Мавераннахра и о возвышении блеска своей столицы в Самарканде. Всех пленных архитекторов, зодчих, строителей его эмиры пригоняли в столицу для ее обустройства. «Над Самаркандом всегда будет чистое небо и золотая звезда», – любил повторять Тимур. Соответственно, рос и возвышался род Барласов, из которого и вышел Тимур.

Тимур милостиво кивнул головой. Телохранитель подскочил к заводной лошади и, не церемонясь, свалил с лошади перекинутый поперек седла мешок, в котором и оказался пленник. Сдернув с его головы мешок, телохранитель толкнул пленника к Тимуру.

Увидев богато одетое окружение и всадника в украшенных одеждах, десятник догадался, кто перед ним и пал ниц в поклоне.

– Поднимись, – молвил Тимур. – Кто ты?

– Мурза Кутлук из рода Казанчи.

– Скажи-ка мне, мурза, велико ли войско Тохтамыша?

– Велико, великий эмир! Воинов – как звезд на небе!

Тимур усмехнулся.

– У меня есть хорошие звездочеты, сочтут.

В свите Тимура засмеялись.

– Хан Тохтамыш разослал гонцов во все города – от Бухары до Кафы, – дернул обидчиво плечом пленник. – И воины все подходят и подходят, – продолжил он.

– Мы разобьем всех! – остановил его Тимур. – Скажи-ка, где решил дать бой твой хан?

– Прости, великий эмир, мне это неизвестно. Я простой десятник.

– Ты трус! Почему ты не умер в бою с оружием в руках, как твой десяток?

Мурза опустил голову.

– Меня оглушили ударом по голове, – тихо вымолвил он.

– Отведите его в обоз, пусть собирает кизяк для костров! – презрительно бросил Тимур.

Трус этот татарин, как и многие из них. Тамерлан ставил татар ненамного выше ногайцев, русских – даже почти поголовно вырезанных по его приказу в 1394 году под Дербентом койтаков. Мудр и дальновиден был великий Чингисхан, презирая татар. Многое взял Тимур от Чингисхана: деление войска на десятки, терпимость к вероисповеданию чужих народов, тактику ведения боя – правда, немного ее изменив. Хоть и был Тимур истым мусульманином, в войске его были воины разных национальностей и вероисповеданий. Были язычники, были иудеи, были христиане, но большинство – мусульман. Но убери иноверцев – и третья часть войска уйдет. И не все ли равно Тимуру, воин какой веры сложит свою голову за Мавераннахр? Каждая капля их крови сделает Самарканд чуточку богаче и лучше.

Тимур подал знак, подняв руку, и слез с коня. Немного тяжело стало ему в дальних походах – ведь время берет свое, и ему уже шесть десятков лет. А раньше мог неделями не вылезать из седла – и не уставал.

К Тамерлану подбежали, почтительно согнувшись, беки и мурзы из его свиты.

– Далеко ли еще до реки?

– Половина дня пути.

– Тогда сделаем небольшой привал.

Армия шла дальше. Тимуру быстро натянули шелковый шатер, устлали землю коврами, бросили подушки. Почти рядом с шатром развели костер – для этого на арбе везли сухие дрова. Вскоре запахло жареным мясом.

Тимуру подали в кувшине кумыс, разлили по пиалам. Прислуживал в походе один из телохранителей – Равиль, служивший ему половину своей жизни.

Приглашенные на трапезу эмиры, мурзы и беки жадно выпили немного кисловатого кумыса.

Пока жарилось мясо, коротая время, пожевали дольки сушеной дыни, урюка.

С большого серебряного блюда свисали еще дымящиеся куски жареной баранины. Тимур сам, накалывая ножом, подавал куски мяса присутствующим. Облагодетельствованные эмиры, огланы и мурзы в определенной порядке очереди протягивали руки и склоняли головы, произнося слова благодарности: получить мясо из рук Тимура считалось почетным.

Себе Тимур положил на небольшое блюдо седло барашка и начал есть, отрезая ножом куски мяса и ножом же накалывая их и отправляя в рот. Мясо было сочным, нежным, с румяной корочкой сверху – как любил Тимур. Хороший у него повар, из пленных – ценный раб, захваченный в одном из походов, понимает толк в мясе.

Некоторое время все молчали, занятые едой. В походе остановки случались нечасто, больше довольствовались сухими фруктами, сушеной рыбой и вяленным мясом.

Когда все поели, слуги принесли воды в кувшине, тазики и полотенца, чтобы присутствующие могли ополоснуть руки.

Когда прислуга удалилась, Тимур спросил:

– Что слышно о войске Тохтамыша?

– Собираются. Думаю, завтра мы уже увидим его передовые дозоры, – коротко ответил начальник передового кошуна бек Хасан.

– Надо бы успеть дойти до реки раньше хана, тогда удастся избежать встречного боя и потерь. Рано еще.

– Успеем. Полагаю, воины будут ужинать уже у реки.

Тамерлан удовлетворенно кивнул.

После короткого обсуждения насущных дел военачальники поклонились и, пятясь задом, вышли. По воинским традициям повернуться спиной к хозяину – верх неучтивости.

Тимур боком улегся на подушки. Армия его велика, много в ней искусных и опытных воинов, но и враг силен, и его армия не уступает по численности. Стало быть, лобовой удар исключается, слишком велики будут потери.

Думать надо, думать. Тохтамыш – хозяин на своей земле и особенности местности любому знает лучше Тимура. К тому же он попытается навязать свои условия боя, постараясь занять наиболее выгодные позиции. В этом его не обыграть. Где-то близко решение, но ускользает. Надо ехать, догонять ушедшие вперед войска. И глядеть надо уже на месте. Всемиловейший Аллах не оставит его своей милостью.

Тимур поднялся, подошел ко входу, надел сапоги из мягкой кожи и вышел из шатра. Телохранители подвели коня, подождали, пока господин их усядется в седло, а рабы и слуги кинулись убирать шатер.

Дорогу можно было и не спрашивать – ее указывал вытопанный сотнями и тысячами коней снег.

Тимур пятками ударил коня в бока. Застоявшийся скакун с места сорвался в карьер – только ветер засвистел в ушах. Сзади с лихим свистом и криками неслась сотня телохранителей.

телей – воинов опытных, прошедших с Тимуром не одну битву. Все они были из родного Тимуру города Кеша, что в Чагатайском улусе. Своим землякам Тимур доверял.

Скакали долго. Сначала обогнали длиннющий обоз, потом – вспомогательные части: понтонеров, рабочих. Стук копыт тысяч коней, ржание, повизгивание деревянных колес, разговоры – все войско производило изрядный шум, так что невозможно было услышать собеседника.

Тимур с удовольствием оглядел длинный обоз инженерного отряда. Там находились передвижные разборные башни для штурма городских стен. Их время еще не пришло, но они явно понадобятся – ведь в Золотой Орде более полутора сотен городов, причем некоторые довольно большие и с мощными крепостными стенами – вроде Сарай-Берке, Булгара или Кафы.

Тимур жаждал разбить войско Тохтамыша и стремительным вихрем пройти по Орде, уничтожив все живое. Орда как противник не должна была возродиться. Если и будет существовать, то в ослабленном виде, не представляя угрозы для Мавераннахра. Воины Тохтамыша должны погибнуть или попасть в плен, а дети их из разбросанных по степи юрт когда еще подрастут.

Ныла правая голень – последствия неудачного боя в молодости. Кости ноги были перебиты, как и отрублены два пальца на правой руке. Хорошо хоть живым удалось уйти. Именно с тех пор Тимура и прозвали Железным Хромцом.

Старые раны всегда ныли к непогоде.

Тамерлан оглядел горизонт. Туч на небе не было. И все равно раны не обманывали его никогда – быть завтра ветру или дождю.

К Тимуру подъехал диван-беги, пристроил своего коня рядом, склонил голову в приветствии. Он был ставленником Тимура, служил с ним давно, понимал Аксак-Тимура с полуслова и заведовал деньгами, налогами, снабжением войска. Подчиненных у него было много, и управлялся он с ними ловко, как и с ценностями.

– Что сказать хочешь?

– Да продлит Аллах твои годы, почтенный Тимур. Жалованье привез воинам. Когда раздавать?

– Подождем немного, думаю, битва с татарами состоится совсем скоро, потери большие будут.

Диван-беги все понял с полуслова.

– Ты, как всегда, мудр, Тимур. Третья часть, а то и более сложат свои головы. Казна в прибытке будет.

– Вот за что я тебя ценю!

Диван-беги поклонился и отъехал. Он был одним из немногих доверенных лиц Тимура, кого телохранители пропускали к нему без спроса в любое время дня и ночи.

Деньги – основа всему. Будут деньги – выплатят жалованье, арбы и кибитки наполнятся припасами. Хитер и опытен был диван-беги, из одного медного пула мог сделать серебряный дирхем – прямо как презренный иудей.

В том, что потери будут большие, Тимур не сомневался – слишком большие армии сойдутся в бою на небольшом клочке земли. Полководцы же не хотят уступать друг другу, обоим нужна только победа. Проиграй Тохтамыш бой – даже если он останется в живых, третьего поражения от Тамерлана ему не простят. Оба – и Тимур, и Тамерлан – это понимали. А потери? Без них не бывает побед.

Воинов, как своих, так и чужих, как и жителей захваченных земель и городов, Тамерлан не жалел. Да, он заботился о войске – о лошадях, об оружии, о стенобитных машинах, о провианте и жалованье. Но это была забота владельца об исправно работающем механизме. Будешь его вовремя чистить и смазывать – он не подведет. А воинов новых нанять можно,

да и подростки в Чагатайском улусе скоро подрастут, будет замена дедам и отцам. Семьи-то многочисленны, от каждой жены по несколько, а есть еще наложницы и рабыни – нарожают.

С деньгами хуже – деньги ниоткуда просто так не появляются. Вот диван-беги доставил жалование войску – три крытых кибитки, набитых серебром, да под охраной. Но это все с боем взято, у того же Тохтамыша четыре года назад, в битве при Кондурче. Денег на войско уходило много, только Тамерлан и диван-беги знали сколько. Его армия была одна из немногих, где воины получали жалование.

Это татары жили только трофеями, грабежом. А рядовой воин в войске Тимура получал жалование – в монетах, равных по стоимости трем-четырем коням, причем не тягловым, а верховым, которые стоили немало.

Десятник получал жалование десяти воинов, сотник – равное жалованью шести десятников. Если десятниками могли быть простые воины, которых десяток выбирал сам, то сотником становился один из десятников. Тысяцкими или темниками, командующими десятью тысячами воинов, могли стать беки, эмиры – одним словом, знать. Простой воин редко когда мог подняться до таких высот.

Армию свою Тимур сколотил, выпестовал сам, взяв от организации войска лучшее из заветов Чингисхана и улучшив то, что перенимал. Например, воины его знали строй – конный, естественно. И в бой они кидались не беспорядочной толпой, как татары, а организованно – кошунами, соблюдая порядок.

Перед боем впереди шел авангард, а самыми первыми – передовые дозоры. Авангард был не настолько силен, чтобы разбить большие силы, но сдержать их вполне мог, давая время развернуться главным силам.

После авангарда следовали союзники: туркмены, татары, другие племена. Уже потом – основные, главные силы, среди которых находилась ставка Тимура.

У каждой тысячи и тумена была своя одежда или седло – одного цвета. Были тысячи с белым седлом, с красным, синим. Так было легче управлять подразделениями, посылая гонцов во время марша или боя.

К тому же каждая тысяча имели флажок своего цвета. Такие же были и в ставке Тимура. Сигнальщик по приказу полководца подавал сигналы тысяцкому или темнику.

Только телохранители Тимура отличались от остальных – крупы их коней были покрыты тигриными шкурами, на всех – кольчуги с надраенными зеркалами. На поясе слева висела сабля, а справа – короткий меч. Это были отборные воины, и рядовой телохранитель получал жалование как десяток в основном войске. Почти каждый имел приставку к имени – «храбрый» или «богатур». Некоторые приставки присваивались за подвиг в бою.

В боевом построении войско делилось на три линии – по три эшелона, значительные силы держались в резерве. Ударной силой всего войска была тяжелая конница – закованные в броню всадники, имевшие копья и сабли, а в пехоте – лучники. Но такая стратегия построения войска применялась на равнинах.

Для действий в гористой местности имелись специальные отряды, набравшиеся из горцев, умевших подниматься по склонам и вести бой в горах. Их основными задачами были обходы тыла и разгромы вражеских заслонов, стоявших, как правило, на перевалах или узких горных тропах, где небольшие отряды в несколько десятков воинов могли сдерживать большие армии.

При штурме городских стен или крепостей основную роль начинали играть инженерные отряды, имевшие разные технические новинки: стенобитные машины, катапульты и баллисты – метатели «греческого огня», арбалеты. Пехота забрасывала городские рвы фашинами – вязанками хвороста, которые тоже готовили рабочие, перекидывала лестницы на городские стены. В ход шли и передвижные деревянные башни на колесах, пододвигавшиеся к стенам.

С них перебрасывались мостки, по которым штурмующие атаковали стены и их защитников.

Тимур хоть и был неграмотен, изучал опыт предшественников. С ним – даже в походах – ехали в обозе ученые и чтецы. На отдыхе они читали ему книги. Очень любил Тимур слушать о войнах древности – о Риме, о греках, особенно об Александре Македонском. Его опыт ведения боевых действий особенно привлекал Тимура.

Тимур слушал и делал выводы. Например, его войско на ночлеге или отдыхе занимало удобное место, силами рабочих возводились рвы по образу и подобию римских, по периметру ставились переносные дощатые щиты. А на расстоянии фарсанга во все стороны разъезжались сильные конные дозоры численностью до полусотни. На то время только армия Тимура обустроивала свой бивуак таким образом.

Лагерь был компактным, хорошо защищенным даже при неожиданном нападении. Хотя таких случаев не было – дозоры недаром получали свое жалованье.

За сон на посту нерадивый воин предавался смерти, причем казнили его свои же товарищи, воины десятка. Деньги и страх наказания – вот что принуждало войско нести службу ревностно.

И кроме жалованья были еще и трофеи. Понятно, что самая большая и ценная их часть уходила к Тимуру и его сардарам.

Каждый получал долю в зависимости от своего положения. Рядовой воин – добычу попроще; десятник, называемый он-баши – больше и богаче рядового воина, сотник – юз-баши – больше десятника. И конечно, после победного боя следовали пиры. Например, после победы над тем же Тохтамышем Тимур с войском двадцать шесть дней стоял рядом с полем битвы, предаваясь пиршествам – уж больно трофеи были велики. Тимур тогда взял себе лично пять тысяч пленных, которых выгодно продал потом на невольничьем рынке. Остальных пленных он раздал воинам.

С невольниками дома, во дворце, управлялся визирь, а за порядком во дворце и гареме следила старшая жена Биби-Ханым.

Ничего, придет еще время, когда он разобьет войско Тохтамыша и пройдет огнем и мечом по землям Золотой Орды. Тогда пленных будет еще больше, а богатые трофеи получит каждый его воин.

Величина Орды потрясает воображение – от Итиля до Крыма, от Кавказа до Руси. Одних городов только полторы сотни – и каких! Сарай-Берке, Булгар, Кафа, Гульстан, Ак-Кермен, Улук-Мечеть, Маджары, Солдайя, Чембало. И в каждом городе есть чем поживиться его воинам.

Орда богатела, занимаясь скотоводством, рыбной ловлей и продажей богатых даров моря – из Булгара поставляли рыбу даже в Самарканд. Также торговали рабами, взымали мзду с северных русских земель. Так что золотишко и серебро в Орде было.

А одни только кони чего стоят! Верховая лошадь в Орде стоила пятьдесят-шестьдесят дирхемов, отборные же лошади, коих табунами гнали в Среднюю Азию и в Персию, стоили до пятисот золотых динаров. Да и верблюды в Орде были двугорбые, которые крупнее и выносливее одногорбых арабских, и на рынках Персии ценились высоко – за них давали по двадцать пять дукатов против десяти за одногорбых.

Кроме того, через Орду пролегал восточный шелковый путь, а это купцы, торговля, налоги. Вот возьмет он Орду под себя, и все торговые пути под жесткой Тимуровой дланью окажутся.

И все-таки первое столкновение войск состоялось сегодня, прямо на марше.

К ставке Тимура подскочил на взмыленном коне гонец, ловко соскочил и, подбежав к лошади Тимура, пал перед ним на одно колено.

– Говори, – милостиво кивнул полководец.

- Татары напали на авангард! – выпалил гонец.
- А что же передовые дозоры?
- Не успели предупредить, вероятно, убиты, не вернулся никто.
- Много ордынцев?

Это было самое главное. Решился ли Тохтамыш дать встречный бой всеми силами или послал небольшой отряд – прощупать врага боем и замедлить его движение.

- Около тумена под командованием Казанчи.
- Откуда известно?
- Удалось взять пленного.
- Сами справитесь?

– Силы авангарда отважно бьются, татары несут большие потери. Сардар Омар-шейх просит передать, чтобы великий Тимур не беспокоился. Еще до вечера ордынцы будут уничтожены.

- Ты принес мне добрую весть, воин. Как твое имя?
- Ашун.

– Я не забуду про тебя, когда будут делить трофеи. А сейчас прими от меня за весть лисью шапку, и пусть она согревает тебя в походе.

- Да пребудет с тобой все милостивейший Аллах, великий повелитель.

Гонец согнулся в поклоне, попятился спиной к лошади и вскочил в седло. Тимур даже не заметил, как он отъехал, погрузившись в мысли. «Зачем Тохтамыш бросил навстречу тумен Казанчи? Он ведь далеко не глуп. Что его тумен против моего войска? Вывод только один – он хотел задержать меня и выиграть время, чтобы дожидаться подхода сил из отдаленных городов и кочевий. Ведь путь от Крыма или Булгара не близок. Если он бросил в бой – встречный бой – тумен, то какими силами располагает?»

В прошлый поход, три года назад, в битве на реке Кондурче, ему удалось собрать огромное войско, равное по силе войску Тимура, и только удача и опыт помогли ему одолеть золотоордынского хана.

Войско, не получая приказов, продолжало путь вперед, незаметно приближаясь к назначенной цели. Между тем авангард вел жестокий бой. Левое и правое крыло пытались окружить, зайти с флангов, обойти татарскую конницу. Главные силы авангарда связали боем татарские силы, не давая им возможности перегруппироваться, не дать сомкнуть кольцо. Силы были явно неравны, и татары это понимали.

Воины Тимура осыпали их стрелами, забрасывали копьями, рубили саблями. На место уставших или раненых вставляли свежие воины, татар же подменять было некому.

Понесся тяжелые потери, ордынцы стали медленно пятиться, потом дрогнули и попытались отступить, пустив коней в галоп к небольшой реке Куре. Но славные силы авангарда им этого не позволили; не давая оторваться, догоняли и рубили.

До реки добрались единицы – те в основном, кто в битве был в задних рядах и кони которых были свежее и выносливее. На самой переправе оставшихся посекали из луков.

Тумен татарский перестал существовать. Но среди убитых темника не нашли. Ушел, ордынская собака!

Авангард тоже понес потери, но не существенные. Быстро собрав трофейное оружие – ведь железо ценилось дорого, – сняв с убитых шлемы и кольчуги, кошуны построились и прежним порядком продолжили марш. Единственное, что потребовалось, – выслать вперед новые дозоры и разъезды вместо вырубленных.

Шедшие в отдалении силы союзников подошли к месту прошедшего боя и двинулись прямо по телам павших, втоптывая их в мерзлую землю, тысячами копыт превращая их в кровавое месиво. А потом по ним прошли главные силы войска Тимура. От татарского тумена практически не осталось ничего, как будто гигантский каток проехал. Лишь вороны

да стервятники кружили в вышине, дожидаясь, когда пройдут войска, чтобы сожрать куски оставшейся плоти.

К вечеру войско добралось до реки Терек, вернее – до нее добрались передовые разъезды. Далеко за рекой темнело, клубилось, посверкивало оружием в лучах заходящего солнца войско Орды.

Но к вечеру затевать бой никто из полководцев не решился. Дозоры несли службу, войско Тамерлана по приказу его стало разбивать лагерь, окапывая рвом и устанавливая бревенчатые щиты. Рабочие из инженерного отряда рыли на берегу окопы и тоже ставили щиты. Лагерь Тамерлана укреплялся, становясь неприступным.

Ночью отдельные лазутчики и небольшие отряды ордынцев переходили реку, пытаясь захватить кого-либо в плен или хотя бы помешать войску полноценно отдохнуть. Ведь после многодневного перехода войско нуждалось в еде и отдыхе. Только дозоры, значительно более усиленные ввиду близости врага, пресекали такие попытки на корню.

Ночью степь на другой стороне реки светилась множеством горящих костров. Посчитать их было невозможно, а ведь у каждого костра, над которым висел котелок с похлебкой, сидел и грелся десяток воинов.

Собрал в своем шатре, в ставке Тимур и своих сардаров – эмиров, ханов и беков. Слуги приготовили жареное мясо и фрукты.

После еды Тимур устроил небольшой совет. По традиции выслушали сначала самого молодого и не самого знатного. Потом стали высказываться минг-баши, начальники кошунов и корпусов. Сошлись на том, что сначала надо форсировать реку и, захватив землю на том берегу – плацдарм, – переправить основные силы. Учитывая, что татары всегда воюют по заповедям Чингисхана, строить свою тактику на этом.

Обычно ордынцы ставили свои самые сильные отряды на флангах и в начале боя пытались обойти противника с двух сторон, взяв его в клещи. А главные силы крутили перед врагом так называемое «колесо». Один за другим, без перерыва, конники подлетали к противнику поближе и скакали перед его фронтом войск, осыпая стрелами. По мере того как колчан пустел – ведь в нем было всего тридцать стрел, выпускаемых умелой рукой лучника за пару минут, – всадник поворачивал к своим. Противник еще не сошелся с ордынцами непосредственно в бою, а уже нес большие потери в людях и лошадях.

Кроме воинских и материальных потерь падал моральный дух: ведь создавалось впечатление, что татар великое множество – за ливнем стрел порой скрывалось солнце.

Потому Тимур с сардарами решили: после переправы через Терек, завязав бой, дожидаться, когда татары ударят по флангам, и нанести им удар главными силами между их правым флангом и центром, рассечь войско ордынцев пополам. Известно ведь, что разбить потом войско по частям проще, чем бить в лоб. К сожалению, переманить кого-либо из ордынских полководцев на свою сторону Тимуру не удалось. С Тохтамышем оставались преданные ему люди. Хан Орды сделал верные выводы из боя на Кондурче.

Глава 2. Елец

Князь Елецкий Федор Иванович нервно мерил шагами горницу. Был он первым правителем княжества Елецкого, полученного от отца, Ивана Титовича, козельского князя, потомка рода Рюриковичей, при отделении княжества Карачевского от Великого княжества Черниговского. С тех самых пор, с 1370 года, он и правил Ельцом. Городишко старый, уж более пяти веков как основан, расположен удачно – на притоке Дона, в месте слияния рек Быстрая Сосна и Ельчика.

Земли хорошие, плодородные, одна беда: за Доном «Дикое Поле» с его кочевыми обитателями – татарами. Беспокойное соседство, чуть ли не каждый год – набеги. А тут другая напасть: уж десять лет подряд года неурожайные – то засуха, то дождями заливают, то град урожай побьет. Голодновато в городе и деревнях. Одно пока выручает – реки под боком с рыбной ловлей да сходящиеся у города шляхи. Удавалось прикупить у проезжающих купцов рожь, да ячмень, да капусту с репой.

Однако казна небездонная. К тому же князь Рязанский, Олег Иванович, которому княжество Елецкое дань платило, хоть выплаты и уменьшил, войдя в положение, но платить требовал вовремя. Мало того – чума объявилась. И слухи, что проезжие купцы принесли, одни тревожнее других.

Хан Тохтамыш войско большое собирает, а с кем ему воевать? Небось опять на Русь собирается, мало ему дани – совсем разорить хочет, людишек в полон взять? Пятнадцать лет тому город уже сжег темник Мамай. Федор Иванович с дружиной успел отойти к Коломне. Жители же деревенские да городские – в Новосиль бежать.

Правда, и Федор Иванович гордость свою потешил, приняв участие в битве на Куликовом поле, будучи назначен воеводой одного из полков при московском князе Дмитрие. Лихо они тогда войско мамаевское порубили, одержав победу!

А через два года хан Тохтамыш, чтоб ему пусто было, с войском заявился, войной на Москву пошел, примучил Дмитрия ему снова дань платить. Тяжелое ярмо на шее славянской, ох тяжелое! И не денешься никуда, сил мало – не отбиться. Только город после пожара али захвата восстановили, а вот они – проклятые, снова под стенами. А поскольку Елец да Ливны да Чернавск с Талицким Острожком на самой границе Руси с Диким Полем стоят, то и вся сила первого, самого сильного удара на них приходится.

Князь Рязанский Олег Иванович – хитер. То с Ордой дружит, то с Литвою, хотя и у него врагов много. Москва спит и видит, как бы княжество Рязанское под свою руку взять. Князь Пронский, сосед Рязани – издавна враг Олегов, так же как и князья Новосильские – Роман, да Иван, зять Ольгерта. И потому меж татарами и врагами из числа князей русских князь Олег Иванович – как меж молотом и наковальней.

Хотя Рязань – город старый и большой, народу в нем много. Многих из бояр рязанских Федор Иванович знал, бывая у князя Рязанского – того же стольника Александра Глебовича, ключника Лукьяна, окольного Юрия, Ивана Мирославича.

Из бывших мамаевских татар – мурзу Салахмира. Ох и богат бывший мурза! Одних земель только у Мирославича с городами да деревнями сколько! Тот же Венев, Верхдереве, Ростовец, Веркоша. Стар уже бывший мурза, так сыновей взрослых двое, тоже ловко управляют.

А Епифан Кореев, Сафоний Алтыкуевич да Глеб Васильевич Лонгвин! Тоже землями большими с людишками многими владеют. Богата земля Рязанская!

Не то что Елец, доставшийся во княжение. Центр города – Кремль – тыном из дубовых да сосновых бревен окружен. А в Кремле всего сорок шесть дворов! Тьфу!

Правда, по Уложению, дворы считались только воинские, да купцов, да ремесленников, дворян и прочего служилого люда. Церковные дворы, монастыри и их людишки переписи и налоγοобложению не подлежали. А земля и людишек у церкви много, почитай – две пятых. И почти все монастыри дружины свои имели, некоторые – совсем и не маленькие, вполонину княжеских.

Еще людишки посадские не учитывались, что за Кремлем жили.

С кого налоги брать? А деньги ох как нужны! Дань Олегу Рязанскому платить, свою дружину содержать – да мало ли расходов? Вон, ходил вчера с ключником, тын смотрели. Некоторые бревна замены требуют – опять расходы. Да железо надо покупать, потому как наконечников для стрел мало, случись набег – не отобьешься.

В горницу вошел сын Иван, молодой темноволосый парень в красной шелковой рубахе и синих шелковых штанах, заправленных, как у казаков, в мягкие юфтовые полусапожки.

– Здрав буди, княже! – поприветствовал он отца. – Дружинники твои человека интересного заприметили. Прибыл вчера, как купец, с обозом. Только другие купцы время на торгу проводят, свои товары предлагают да наши, елецкие, берут. А этот больше по городу шастает. Все бы ничего, да заприметили его, когда он вдоль стен Кремля прошелся. Спрашивается – что за купец такой любопытный?

– Обличьем татарин?

– На татарина не похож, но по-русски говорит плохо, едва понять можно.

– Откуда обоз купеческий идет?

– Купцы говорят – с самой Кафы.

– Говорить много чего можно. А одеты как?

– Да как все они – по-восточному. В халатах теплых, тюбетейках.

– Раньше его здесь не видели? На постоянных дворах или на торгу?

– Не выяснил еще. Так что с ним делать?

Федор Иванович задумался. Взять бы купчину да допросить с пристрастием – уж больно поведением своим на лазутчика похож. Так ведь купцов обижать нельзя, о том все знают. Купцы – это хорошо, они товары разные везут и зело полезны быть могут. От них серебро да золото в виде налога в казну идет.

Но и отпускать восвояси не в меру любопытного тоже не хочется. Мало ли чего он увидеть успел? Наверняка татарский приспешник, а что на татарина не похож, так Кафа – город многоплеменной, там и генуэзцев полно, и греков. Да ведь они с войной на Русь не пойдут. У Руси только два сильных врага – Великое Княжество Литовское и Орда. Учитывая, что Елец с полуденной стороны расположен, на границе с Диким Полем, то, скорее всего, лазутчик – именно Тохтамыш.

Явно набег замышляется – лазутчики перед набегом обычно появляются. В других случаях правителям чужих земель достаточно рассказов купцов – богаты ли жители, много ли врагов у князя и прочно ли он сидит на троне. Ох, не к добру!

Князь с досады сплюнул на пол. Только город отстроить успел, посад еще не весь застроили, дома да клетки с сараями еще бревнами свежеекрашенными желтеют.

– Вот что, Иване! Ты Митрофана, охотника с Александровской слободы, знаешь?

– Кто же его не знает? Он белке стрелой в глаз попадает.

– Вот и я о том. Без шума, без пыли, без свиты съезди к нему домой, а лучше – вызови через доверенного человека. Покажи ему этого любопытного купчишку.

– И что? – Сын пока не понял замысла князя.

– Экий ты недогадливый! А ведь тебе после меня Ельцом править. Думаю, они из Ельца к Москве по Новосильскому шляху пойдут – там и брод удобный есть. Лес там, дубрава.

– Это ты про Хомутов лес говоришь?

– Именно. Так пусть Митрофан засаду в лесу сделает и купчишку этого... – Князь выразительно посмотрел на сына.

– Понял, княже, – поспешил поклониться тот.

– Только пусть стрелу не охотничью возьмет, а с татарским наконечником. Ежели купцы с обоза ко мне с жалобой вернутся – так стрела-то татарская, не наша.

– Слушаюсь, отче.

Сын снова поклонился и вышел.

Одной проблемой меньше. Сын исполнительен, все сделает как надо, и все сведения, что купец собрать успел, умрут вместе с ним. Но знак неприятный, к войне готовиться надо.

Князь вызвал слугу.

– Позови-ка мне ключника.

Когда тот появился и отбил поклон, князь сказал:

– Наконечников для стрел маловато. Возьми серебро, купи железа. Пусть кузнецы отложат всем дела да наконечники куют. Мальчишкам медяки дай, пусть древки для стрел делают.

– Почем брать будем? – сразу деловито поинтересовался Агей.

– Ногату – за пучок из трех десятков.

– Будет исполнено, князь. – Помолчал мгновение и спросил вкрадчиво: – Никак, татары опять к набегу готовятся?

– Похоже на то. Может, даст бог, пронесет.

Князь повернулся к иконам в красном углу, перекрестился. Вновь обернулся к ключнику, вперился взглядом:

– А почему спросил?

– Дык, княже, казну получше спрятать надо, семью подготовить, а может, и в Рязань к Олегу переправить, сродственники у меня там.

– Ты панику не поднимай. На тебя гляючи и другие побегут.

– Нешто я не понимаю, нешто я дите неразумное? Жену вроде как рожать отправлю и дочерей с нею. А прислуга здесь останется.

– Ну ступай, Агей.

Ключник поклонился и вышел.

Князь накинул ферязь, вышел из дома и в сопровождении двух дружинников прошелся вдоль крепостного тына. Дубовые – в обхват, а то и более – бревна стояли неколебимо. А вот где сосновые бревна были, поработали жучки-древоточцы. Думал, постоят еще – ан нет, менять надо.

Заглянул через бойницу вниз, на посад. Весна, тепло, зеленеет кругом. Стучат топоры да весело плотники перекрикиваются, пила визжит. Строятся людишки... А того не знают, что туча черная над Ельцом, а может, и над всей Русью нависла.

Город стоял на высоком берегу, а река являлась естественной преградой для незваных гостей. А самый Кремль возвышался над городом, далеко с него видно было окрест. Единственно, что упустил князь при строительстве Кремля, – башни строить надобно было, хотя бы парочку. А сейчас вокруг стен с внутренней стороны лишь галерея крытая шла – для лучников. Дружинник по ней ноне ходит, поглядывая зорко в сторону Дикого Поля – не видно ли облаков пыли вдалеке.

Зимой татары в набеги не ходят – холодно, для лошадей бескормица. Они учинять набеги любят летом, к осени поближе – когда урожай собран, чтобы не только людишек в полон взять, но и телеги трофейные добром нагрузить. Видел уже князь, как один татарин за своей лошадей по четыре десятка связанных веревкой пленных ведет, да за ними обоз с добром тащится, у пленных же взятым.

Князь поднялся наверх, на галерею – к дружиннику. Тот нес службу, как и положено – в кольчуге, со щитом, с мечом на боку, в шлеме-шишаке. Он поприветствовал князя легким поклоном. Князь узнал дружинника. Хороший воин Митях, опытный.

– Как служба идет?

– Спокойно, князь. Купеческий обоз недавно на Данков вышел.

– Не к Новосилу?

– Да нет. Что я, дорог не знаю? Из Красных ворот вышли – и на Данков.

Прогодал князь, Митрофана-охотника в Суслов лес посылать надо было. Да что уж теперь, сделанного не воротишь. Близок локоток, да не укусишь.

Князь поглядел поверх тына. С Аргамачьей горы, на которой стоял Кремль, были видны окружающие Елец леса – Радужкин, Воргольский, Пришний, Истошный, Суслов, Хомутов. Вдали, едва-едва – Ищеин. Монастырь Знаменский виден.

Князь скрипнул зубами. Многолюдна и сильна монастырская дружина у игумена. Только игумен сам ею распоряжается. Хочет – даст городу в помощь, а бывает – сами заперти сидят, монастырь обороняют. За одно спасибо сказать можно – крестьяне из окрестных деревень там при угрозе прячутся.

Князь спустился с тына, прошел мимо княжеских амбаров да подклетей, вышел на Соборную площадь, зашел в Успенскую церковь – свечку Николаю-угоднику поставил, помолился, с настоятелем поговорил. Обычно князь молился в личной часовенке при тереме. Все шло как обычно. Досада только душу немного грызла – надо было второго человека в Суслов лес послать. Упустил лазутчика! Он же теперь по другим городам, где обоз побывает, вынюхивать станет.

Князь вернулся в свои хоромы. Время было обеденное, и за княжескими заботами не стоило забывать о грешном теле.

К столу – присоединиться к обеденной трапезе – пришла любимая жена. Слуги проворно поднесли горшочки с горячим супчиком из заячьих потрошков. На серебряных блюдах лежали, источая духовитый аромат, пряженцы с грибами, луком и яйцом, расстегая с рыбой. Стояли в расписных глиняных тарелках капуста квашеная, яблочки маринованные хрустящие, огурчики соленые – один к одному. На длинном блюде дымились жареные карасики в сметане.

Князь окинул взглядом стол – небогато, но и не праздник какой сегодня, чтобы бело-рыбницей баловаться. Хотя и есть в подвалах, лежит на льду.

Слуга склонился к уху князя.

– Вина подать или пива?

– Пива давай, уж больно хорошо его Афанасий варит.

Зайчишку, из потрошков которого был сварен суп, князь еще вчера собственноручно убил. Леса на княжеской земле объезжал, а косою из-за кустов и высочил, да стрелой по дороге полетел. Гикнул князь, погнал коня, да кистенем промеж ушей косому и ударил.

Дома слуги зверька ободрали, выпотрожили тушку, да в слабом яблочном уксусе замочили. Известное дело: зайца коли не вымочишь, мясо потом не разжуеть.

Подвесив к седлу убитого зайчонка, князь и молодость свою вспомнил, и мясца свежего к столу привез.

А леса осматривал, дабы решить, что людишкам в посад для строительства домов отдать, а что для ремонта тына да ворот приберечь. Дуб, ясное дело, для тына, сосна да ель – для домов.

Ключник князя сопровождал, слушал внимательно – за неправильный поруб ему отвечать.

– И здесь сосну порубить, – указал князь.

– Не можно, княже, монастырские то земли, – покачал головой ключник.

– Знаю, – недовольно скривился князь, – да немного можно – хлыстов двадцать. От монастыря не убудет.

– Жаловаться придут, челобитные патриарху писать будут, – продолжал ключник.

Князь только рукой махнул. И земли у монастыря хорошие – пахотные, и леса есть, серебром князь периодически настоятеля одаривает, а все жалуются.

Набрать бы еще людишек в войско, да казна не позволяет. Денег – только до нового урожая дотянуть. А будет ли он – одному богу известно. Хотя зима снежной была, земля весной влагой напиталась, травы вон какие взошли. Еще бы дождей да солнышка, тогда и подать собирать можно. Лишь бы басурмане летом набег не сделали. Все порушат, лошаадьми урожай вытопчут, людей в полон уведут. И так уже деревни полупустые. Одно выручает – из Великого княжества Литовского людишки бегут, поскольку там еще хуже. Священники совсем распоясались, ни бога, ни короля не боятся. Одно слово – схизматики.

После обеда Федор Иванович степенно поднялся в свой кабинет – посидеть, подумать. То ли письма с гонцами отправить к соседям, в княжество Пронское да Новосильское, и к Олегу – в Рязань, то ли самому съездить: посидеть, пива попить да обмозговать... Пожалуй, лучше самому съездить, глядишь – чего-то узнать удастся.

Хоть Федор Иванович и данник Рязанского князя, но и добрых отношений с соседями терять никак нельзя. Хоть они совсем и не друзья Олегу – уж больно он заносчив, всех под себя подмять хочет.

Размышления князя прервал сын Иван. Постучав, он вошел, плотно дверь за собой прикрыл, уселся на деревянный стул напротив стола.

– Все в лучшем виде, княже, исполнено.

– Не может быть! Митрофана-охотника в Хомутов лес отправили, а обоз купеческий на Данков пошел.

– Не зря Митрофан-охотник удачливый да следопыт. Он на опушке леса у дороги схоронился. А как обоз по другой дороге пошел, так он бегом туда. Все стежки-дорожки зная, он обоз опередил, возле дороги устроился. А дальше, князь, послушать бы его самого. Больно занятно.

– Зови.

Иван исчез за дверью и вскоре вошел вместе с Митрофаном.

Вида тот самого обыкновенного: худощавый, белобрысый, лицо в веснушках, в суконной поддевке. Из оружия только – только нож маленький обеденный на поясе.

Поклонился в пояс:

– Здрав буди, княже Федор Иванович!

– И тебе здоровья долгого, Митрофан! Присаживайся, расскажи, как да что.

– Я, значит, на опушке устроился вначале. Смотрю, обоз из города вышел и по дороге на Данков пошел.

– Это я уже знаю – княжич рассказал. Только он еще баял, интересное ты что-то сказать можешь.

– Хм, перебежал я по лесу да по оврагу – прямо к Сулову лесу. Не близко, да ведь и обоз медленно идет. Устроился я в зарослях орешника – там полянка рядом и ручей. Обозы всегда тут останавливаются – лошадей напоить.

– Знаю это место. Так ведь и от Ельца не близко – верст семь будет.

– Что для меня семь верст? – ухмыльнулся Митрофан. – К тому же я чуть срезал, короче вышло. Так вот, обоз вышел на поляну. Возничие лошадей поить стали, воду в баклажки набирать. А купцы по очереди к этому подходили, кого Иван Федорович показал. Докладывали что-то, а он их ругал.

– Ты что – и разговор слышал?

– Слышать-то слышал, да не понял ничего.

– Они что-то по-татарски говорили?
– В том-то и дело, что нет. Я по-татарски понимаю немного – ни одного знакомого слова. Так ведь и без слов понятно, когда ругают. Он, похоже, главный в обозе.

Федор Иванович и сын переглянулись.

– А на каком языке?

Митрофан пожал плечами.

– Дальше продолжай.

– Я момента дождался, когда возле него никого не было, да и стрельнул.

– Попал?

– А то! – выпятил грудь Митрофан. – Прямо в горло. Наповал – даже не пискнул.

– А купцы?

– Они не сразу и заметили. Потом подбежали, положили на телегу его. Сами по деревьям глазищами зырк-зырк. Видно, лучника боялись. Из телег своих сабли вытащили. Да я дожидаться не стал, отполз тихонько да убег.

– Не видел тебя никто?

– Обижаешь, князь! Я рядом со зверюшкой пройду – ни один лист не шелохнется. На обратном пути город обошел, по Новосильскому тракту вернулся.

– Молодец. Язык за зубами держи! Большое ты дело для Ельца сделал, лазутчика убил. Держи награду.

Князь протянул Митрофану серебряный татарский дирхем.

– Вот за это спасибо, князюшко! Давно серебришка в руке не держал.

Митрофан отдал поклон и, пятясь, вышел.

Иван приоткрыл дверь, наблюдая, как Митрофан сошел по лестнице вниз, притворил дверь, уселся на стул.

– Что скажешь, князь?

– Действительно, любопытно. Похоже, Митрофан правильно узрел – главный он в обозе. А товары да купцы – для прикрытия. Голову на отсечение даю – набег в лето будет. Одно непонятно – почему говорили не по-татарски.

– Ой, отец! Да у татар союзников из других племен полно. Я же видел – он на татарина лицом совсем непохож.

– Пусть так.

Князь задумался.

– Надо в соседние княжества ехать, с князьями говорить, помогут ли они нам войском или отсидеться за своими стенами думают. Завтра же в Новосиль еду! Ты на княжении остаешься.

– Как скажешь, князь.

Сборы были недолги, верхами до Новосили ехать всего два дня.

Князя сопровождали пятеро дружинников – без них нельзя; почетный эскорт нужен – князь все-таки, да и защита от лихих лесных людишек, кои пробавлялись на дорогах разбойным промыслом.

Добрались быстро – уже к вечеру следующего дня въехали в Новосиль.

В городишке правил князь Роман, данник Ольгерда, великого князя Литовского. Когда беда случалась, соседи приходили друг другу на помощь – городки-то рядом, а до Ольгерда в случае нужды – поди доскачись, да и помощь придет не скоро.

В соседней Тарусе правил старый князь Иван, зять Ольгерда. Оба – и Роман и Иван – рязанского князя Олега на дух не переносили, но вынуждены были его терпеть – уж больно княжество Рязанское велико, богато и воинством сильно.

Городишко был невелик, стоял на высоком холме, на правом берегу реки Зуша, притока Оки. Город окружал высокий дубовый тын, имелось три сторожевые башни. Видимо, с них и заметили князя Федора Ивановича, успели сообщить своему князю и ворота распахнуть.

По городку ехал Федор Иванович не спеша, давал время Роману Семеновичу подготовиться, ведь заранее о приезде не сообщил. Бывал тут уже не раз князь Федор, потому ехал уверенно. К каменным хоромам подъехал – перед ним ворота уже распахнуты.

В ворота князь въехал верхом, а дружинники спешили и вели своего коня в поводу. Только равный по званию, князь ко князю, мог проехать через ворота на коне, не оскорбив и не умалив тем самым достоинства хозяина.

Слуги приняли коня, взяли под уздцы и повели в конюшню, а Федор Иванович направился к высокому крыльцу.

Распахнулись двери, из хором вышел хозяин земли Новосильской, князь Роман Семенович с женой.

Князь легко сбежал по ступенькам, обнял соседа. Почеломкались по русскому обычаю троекратно.

– Проходи в дом, гость дорогой! Ольга, князь с дороги, испить хочет!

Жена Романа Семеновича с поклоном поднесла Федору Ивановичу серебряный корец со сбитнем. Выпил Федор Иванович, крикнул, обтер рукавом усы, обнял княгиню да поцеловал в уста.

– Хорош сбитень-то!

Гостя провели в распахнутые двустворчатые двери, завели в трапезную. Вошедшие повернулись к иконам в красном углу, перекрестились. Роман Семенович обошел стол, уселся во главе его. Только тогда опустились в кресла Федор Иванович и супруга Романа.

Все шло по заведенным издревле традициям. Как положено, сначала разговор зашел о погоде, о видах на урожай. Затем слуги внесли на подносах и блюдах холодные закуски: холодец, балык из осетра, капусту квашеную, кувшины с вином да пивом.

Первый тост, как водится, за гостеприимных хозяев.

Осушил кубок с вином Федор Иванович, перевернул, показывая, что выпито все, ни капли не осталось, и что зла на хозяина не держит.

Пока поговорили о том о сем, а слуги уже гуся жареного с яблоками несут, да уху двойную – когда только успели, да щи кислые, да кашу гречневую с убойной.

Отдали дань горячим блюдам, запивая вином. Княгиня откланялась и ушла, сославшись на дела. Понимала – сосед не просто так приехал, по делам. А женщине, хоть и княгине, слушать серьезные мужские разговоры не след.

Первым разговор начал Федор Иванович: исподволь, издалека – о слухах неясных, о готовящемся вторжении татар.

– Ты прямо говори, без намеков, – сказал Роман Семенович.

– Вот я спросить тебя хочу, князь. Коли татары придут, пошлешь воинов своих мне на подмогу?

– Непростой вопрос. Ты же, Федор Иванович, данник рязанский, вот пусть Олег Иванович защиту и дает! Сам посуди, я тебе часть своей дружины дам, полягут они у тебя. Татары ко мне потом придут – кто город защитит?

Федор Иванович вздохнул. Что-то подобное он и ожидал услышать. Как говорят на Руси, своя рубашка ближе к телу. Каждый князь о своем уделе печется. Оно и понятно.

Только Роман Семенович продолжил, и от услышанного князь карачевский Федор онемел на время.

– Я тебе больше скажу, Федор Иванович, никому не говорил – тебе первому. Едва не последний год басурмане нападают – город пожгут, людишек поубивают, а кто останется – в полон: кого на продажу, кого в рабство. Поверишь, сколько здесь князю – ни один из

полоняников не вернулся, все сгинули. Помозговал я с сыном своим, Василием, да и решили мы – перебираться на новое место. Я уж и город себе присмотрел – Одоев.

Федор Иванович застыл в изумлении, только и вымолвил:

– Почему?

– Ко княжеству московскому близко, рать у князей московских сильная, в обиду не дадут. Вот, пятнадцать годов назад Дмитрий, князь московский, силы объединил да темника Мамаю на Куликовом поле разбил. Вот и смекай. Надоело почти каждый год после набегов татарских город из пепла восстанавливать, людишек собирать.

– Серьезно ты жизнь переменить надумал.

– Еще как! И заметь – не впопыхах решал, всю зиму только этим и занимался. Разные варианты просчитывал. Что Новосиль, что Чернавск, что Талицкий Острожек... А про Елец я уже молчу – на самом краешке Руси стоит. При набеге в первую очередь страдают. По уму заставы сильные вперед, в Дикое Поле выдвинуть надо. Остроги, а может, и крепости сильные поставить. Пусть татары о них зубы обломают, глядишь – и до нас не доберутся. Только никто ставить их не будет – деньги нужны для строительства, дружины да воеводы. А где их взять? Наемники? Немалые деньги потребны. Своих послать? Города свои защищать некому будет. Куда ни кинь – всюду клин.

– Это что же выходит? Города да княжества русские без боя нехристям уступаем?

– Так и получается, – с силой сжал кулак князь Роман Семенович. – Я вот что надумал. Или надо совет из князей собирать – пусть каждый деньги да воинов выделит на крепости степные, – или всем княжествам под одну сильную руку объединиться. Нет у нас другого пути. Иначе сгинет Русь, как сгинули половцы да хазары. Еще деды наши их помнили. А где теперь эти племена-народы?

– Мрачновато выходит, Роман Семенович!

У Федора Ивановича от услышанного в горле пересохло. Он плеснул в кубок вина из кувшина, осушил в один глоток. Хорошее пиво, а вкуса почти не почувствовал. Ох и умен Роман Семенович, не только за свое княжество ратует – за все пограничье решил. И не подкапашься – не в бровь, а в глаз. Верно ли все? У самого ведь такие мысли появлялись, да гнал их от себя, не в силах самому дерзнуть решиться на великое. Выходит, зря гнал. Раньше надо было думать о крепостях да единении княжеском. «Теперь-то уж навряд успеем подготовиться и встретить врага во всеоружии. Как лето войдет в свои права, так татар и жди. А может, бросить Елец? Уйти с жителями куда подальше – под Владимир, или Муром, или еще дальше – к студеному морю...» И сразу – другая мысль: «Земли там уже все поделены, кем придешь? Чужаком? Плохо, никуда не годится. Тебе отец эти земли в управление дал – княжить, вот и надо свой долг исполнять. Князь – это ведь не только красное корзно да пиры. А честь? Князь – он в первую голову о бережении города и удела своего печься должен».

Федор Иванович и не заметил, что в трапезной молчание давно повисло. Кашлянул деликатно Роман Семенович, очнулся от дум тяжких Елецкий князь, поднял голову.

– М-да, нерадостно что-то, – сказал он. – Ты, Роман Семенович, поступай как надумал, а я на земле своей пока останусь. Коли разговор об объединении пойдет, я согласие свое дам, в том не сомневайся. А на чужие земли примаком – не пойду.

Выпили вина, да хмель не брал, и настроения веселого не было, оба тяжкими думами придавлены были. Поковырялись в блюдах нехотя – аппетит совсем пропал, но и не тронуть еду нельзя, чтобы хозяйку не обидеть. А вот выпивать – выпивали оба, и к вечеру уже нагрузились изрядно.

Слуги отвели Федора Ивановича в гостевую спальню, раздели, разули да спать уложили на мягкой перине.

Поутру, едва позавтракав, засобирався Федор Иванович в обратную дорогу, сколько ни увещевал его Роман Семенович остаться.

– На охоту вместе ходим – зайцев много развелось, молодость вспомним, – говорил он.

– Я бы со всем удовольствием, да время! – отговаривался Федор Иванович. – Его ведь ни за какие деньги не купишь, время-то. Готовиться к отражению набега надобно. Еще и к Олегу Рязанскому съездить надобно.

– Ты вот что, Федор Иванович, Олегу про наш разговор молчи пока – как соседа прошу.

– Княжеское слово даю, – протянул руку для пожатия Елецкий князь.

Обратно ехали небыстро. Дружинники бы и погналы лошадей, да князь неспешно едет, в думы погруженный. Ну так то его дело, на то он и князь. А их дело – исполнять поручение.

Как бы хотел Федор Иванович оказаться сейчас на их месте! Всего и забот – брюхо набить, девок потискать да после кубка доброго вина попеть-поплясать.

А Федор Иванович тем временем думу думал об Олеге Рязанском. Очень непростым человеком был князь. Княжить стал с пятнадцати лет, получив удел из рук отца, князя Ивана Ивановича Короткопала. В юности во всем полагался на советчиков своих. С ними князю повезло – мудры и осторожны были. А потом и сам взматерел, опыта и хитрости набрался. Велико княжество было – от Дона до Коломны почти, ежели с севера на юг, а с востока – с Мордовией граничит, с запада – с княжеством Новосильским.

Да не это главное, три силы рядом – Литва, Орда и Великое княжество Московское. И каждая сила Рязань под себя подмять хочет. Вот и приходится Олегу Ивановичу крутиться.

Орде как наиболее сильному врагу в открытую он противостоять не может, чтобы княжество не погубить. Где лестью, где данью, где помощью воинами откупится. А все равно басурмане чуть не каждый год то саму Рязань разорят, то по землям его пройдутся.

Но и Олег не лыком шит. Мстит потихоньку татарам. Взять битву Орды с Дмитрием на Куликовом поле. Олег числился в союзниках темника Мамаю – вместе с князем Нижегородским и Тверским. Еще один союзник с войском польским у Мамаю был – Ягайло, князь литовский.

Олег Иванович, узнав о планах татарских и выступлении их, гонцом сообщил князю Дмитрию, дав ему возможность собрать ратников и выдвинуться вперед, навстречу Мамаю. В войско Дмитрия многих бояр своих с дружинниками послал, переодев ополченцами да наказав стяги рязанские не брать, буде татары воинов его не опознали.

Храбро рязанцы сражались, семьдесят бояр головы на Куликовом поле сложили, а московских бояр – только сорок. Сам же Олег с пятитысячной ратью дорогу воинам Ягайло перекрыл, маневрировал, проходу не давая.

А уж бой на Куликовом поле кипел! Ягайло ведь всего в одном дневном переходе от Мамаю был, но к битве так и не поспел.

Когда отбросил Ягайло рязанцев да на поле Куликово появился, битва уже закончилась, и русичи гнали разбитых татар. Обозленные литовцы напали на русские обозы и вырезали раненых.

Вот и думай – враг Олег Иванович Дмитрию да сыну его Василию или тайный союзник.

С другой стороны, Олег Рязанский хану Тохтамышу при его походе на Москву броды через реку Оку показал. Только это не спасло земли Рязанского княжества от разорения, когда Орда осенью обратно возвращалась.

Конечно, Олег выигрывал, убивая одним выстрелом двух зайцев, ведь в войне слабели сразу два его врага – Орда и Москва.

А через три года, 25 марта 1383 года, Олег Иванович взял на меч Коломну – город княжества Московского, добыл богатые трофеи, взял в плен воеводу коломенского Остеев Александра Андреевича со многими боярами. Олег тогда быстро ушел из Коломны, понимая, что город ему не удержать. Дмитрий вдогон послал рать во главе с Владимиром Храб-

рым, которого поддерживали своими дружинниками Михаил Андреевич Полоцкий, Роман Новосильский и князья Тарусские.

Битву при Скорпищеве Олег проиграл.

А через два года Олег Иванович мир на вечные времена с князем Московским подписал и женил своего сына Федора на дочери Дмитрия, Софье.

Хитер Олег – где земли прикупит, а где браком выгодным позиции свои укрепит – как с Титом Козельским, чей сын Иван женился на дочери Олеговой.

Запутано все, но при всем при этом княжество Рязанское богаче соседей и дружина у Олега сильная. Церкви и монастыри Олег на земле своей ставит, за что его священники, монахи и паства почитают. Изворотлив, как дипломат гегуэзский, кое в чем и поучиться у него не грех.

Чем ближе Федор Иванович подъезжал к Ельцу, тем больше крепло решение – надо к Олегу в Рязань ехать, может, что умное и дельное присоветует.

Пробыв дома три дня, князь Елецкий выехал в Рязань.

Ехали – для скорости – верхами, без обоза. На этот раз князя сопровождал десяток из старшей дружины. Свита и охрана – это обязательно, чтобы каждый видел, не голодранец какой за подаванием в Рязань едет.

Верстах в пятнадцати от столицы рязанской мимо славного монастыря проехали, Богородице-Рождественского Солотчинского. Сложен из белого камня, красив и неприступен. Федор Иванович даже им залюбовался.

А через три версты показался еще один монастырь – поскромнее, Зачатьевский женский. А с холма уже и Рязань видать – стенами каменными опоясана, луковки церковей над стенами возвышаются. Большой город, дворов на двести служилого люда. Со стены бдительная охрана маленький отрядик заметила, а главное – корзно красное, княжеское. Вестимо, гонца ко князю срочно отправила. И правильно, пока Федор Иванович ко дворцу Олегову подъедет, ко встрече все готово будет.

Так и вышло. Когда Елецкий князь подъехал ко дворцу, ворота были распахнуты, и во дворе слуги ждали высокого гостя. Они взяли коня под уздцы, Федора Ивановича под локотки поддерживали, когда с седла прыгивал. И не потому, что немощен, а токмо для почета и уважения для.

А на крыльце уже показался сам Олег Рязанский – в красном корзно и красных сафьяновых сапожках. Под корзно – рубашка шелковая зеленая и такие же штаны. На голове – шапка соболиная, роста сам среднего, худощавый, подвижный и, как истинный рязанец, светловолос. На лице – бородка русая, глаза смотрят на гостя приветливо.

– Рад видеть на своей земле князя Федора Ивановича!

Олег спускался по лестнице, раскинув руки для объятий. Там, на лестнице, и обнялись, расцеловались троекратно.

Поднялись на крыльцо, а тут уж княгиня Евфросинья с серебряным, с золоченой ручкой, ковшом с вином.

Испил вина Федор Иванович, ковш перевернул да поцеловал княгиню.

– Хорошо винишко-то! – похвалил вино князь Елецкий.

– Ключник мой, Лукьян, расстарался, фряжского вина прикупил. Коли понравилось, бочонок подарю.

Олег полуобнял Федора, проводил в гостевой зал – помещение довольно большое. На образа перекрестились, уселись в кресла. Оба – князья, равны по положению.

Разговор пошел, как водится, о малозначащем: погоде, видах на урожай. Потом уже взаимно заинтересовались – здоровы ли дети да супружницы.

– По-моему, нам за стол пора, гостю подкрепиться с дороги надо, – поднялся Рязанский князь.

– Поговорить бы, Олег Иванович.

– Опося, завтра. К тому же зять мой подъедет, Иван Мирославович, беседа куда как лучше выйдет. А сегодня пить-гулять будем. Не каждый день мой добрый сосед князь Федор Иванович в гости жалует.

Они прошли в трапезную. Олег во главе стола длинного сел, Федора Ивановича по левую почетную руку усадил. Рядом с Олегом – с торца стола – и княгиня уселась.

Федор обвел взглядом сидевших за столом. Да тут вся знать боярская! Епифан Кореев, переговорщик искусный, что с Мамаем да Ягаило переговоры вел; боярин Станислав, Сафоний Алтунаевич, Никита Андреевич, дядька Монасея, сокольничий Юрий, оба Яковлевичи, староста Гобой. Можно сказать, все видные люди Рязани на обеде, немногих только и не хватает: того же Ивана Мирославича, да Александра Тимоша, да Павла Соробича, да Семена Федоровича по прозвищу Кобыла Вислой, перебежавшего с литовской службы сначала в Москву, а потом и к Олегу в Рязань.

Всех в лицо Федор Иванович знал и, встречаясь глазами, головой кивал в приветствии.

На столе уже стояли кувшины с пивом, вином, стоялым медом. Громоздились миски с холодными закусками – капустой квашеной, яблоками мочеными. Исходили парком пироги с вязигой, пряженцы с луком и яйцами, яблоками, гречневой кашей.

Отворились двери, и двое слуг внесли длинное серебряное блюдо с жареной белорыбцей. Ох и длинна, сажени полторы, не меньше! А запах! У присутствующих слюнки потекли.

Прислуга нарезала рыбу и куски на серебряные блюда укладывала, а уж князь Рязанский боярам отсылал, оказывая почет. Первые два куса – князю и княгине, третий – гостю, князю Елецкому, а уж дальше боярам – по старшинству.

Слуги кубки наполнили, здравицу в честь князя Олега возгласили и вышли дружно. Второй тост – за гостя – уже сам Олег сказал. А дальше – пошло-поехало. Бояре ели, пили, меж собой разговаривали.

Федор Иванович с некоторой завистью поглядывал на посуду серебряную да позлащенную, на кубки да ендывы резные. Неплохо князь Рязанский живет!

Слуги внесли щи горячие, а потом – барана, жаренного на вертеле. Когда же и он почти подчистую обглодан был – кур жареных да гуся, истомленного в печи – с яблоками.

Наелись от пуза, напились до беспамятства. «Уставших» слуги бережно уносили в комнату по соседству, укладывали на лавки.

Пир долго длился, Федор Иванович устал уже. Хозяин, князь Олег, заметил, дал знак. Чашник Юрий бережно, под локотки, со всем почтением проводил князя Федора в отведенные ему покои, раздеться помог, пока девка из прислуги кровать разбирала да подушки взбивала. Спать уложила, пожелав спокойной ночи. Давненько Федор Иванович так сладко не спал – пьяненький, без забот и с ощущением покоя и безопасности.

Утром стук осторожный в дверь раздался, вчерашний чашник Юрий вошел, за ним – слуга.

– Доброго утречка, князь. Поправиться не желаешь?

Кивнул Федор Иванович – голова и в самом деле слегка не своя была.

– Пиво есть холодное, квасок. И рассольчик ядреный, из-под огурца, да со смородиной! Али вот еще бульончик горяченький!

– Рассолу, – просипел князь.

Слуга ловок на стол поднос водрузил, из горшочка в кубок рассола налил – с листьями смородины. Выпил князь, посидел немного на кровати – в голове проясняться начало.

– Теперь пива плесни.

Слуга того и ждал, полный кубок поднес. Федор Иванович выпил не спеша, смакуя каждый глоток – уж больно пиво вкусное было, прохладное, язык щипало.

Пока слуга помогал обуваться, голову совсем отпустило. Даже заметил князь, что сапоги начищены. И когда успели?

Тот же слуга одеться помог. Чашник Юрий рядом стоял, сдувал невидимые пылинки с одежды князя.

– Завтракать пора, князь, уже стол готов.

Стол внизу, в трапезной, был накрыт, и, хотя и был значительно скромнее вчерашнего, отведали каши по-гурьевски да судачка заливного, да узвара с пряниками печатными.

Из бояр только ближние были, потому народу немного собралось, человек десять.

Поснедав, все поднялись в кабинет Олега Ивановича и уселись в удобные кресла друг против друга. Понемногу разговор начался – пока ни о чем: о слухах за князей Муромских, об Ольгерде.

– Так ты чего, Федор Иванович, ко мне пожаловал? Для дани рано, а видно, гложет тебя чего-то...

– Ты сам знаешь, Олег Иванович, что басурмане едва не каждый год набегу на Русь делают. Думаю, и нынешний год исключением не будет.

– Есть основания так думать?

– Лучше бы их не было. Две недели тому обоз купеческий в Ельце был, из Кафы шел. С виду вроде и не татары. Купчик там один был – уж дюже любопытный: вдоль стен крепостных прошел, воротами изнутри поинтересовался. Думаю, лазутчик, сведения перед набегом собирал. С тем обоз и ушел.

– Похоже на то. Хотя все купцы в той или иной мере лазутчики. Когда в землях чужих бывают, узнают – крепко ли правитель на троне сидит, много ли противников у него среди боярства, сильны ли деньги, да есть ли урожай, да каков он, да могучая ли рать? А по возвращении в свои страны правитель через людей доверенных купцов опрашивает. Завсегда так было. Только мы гадать не будем. Сейчас Ивана Мирославича позовем, он нам все и обскажет – он недавно в Орде был, у родителей.

Федор Иванович знал, что князь Рязанский зятю своему шибко доверяет. Иван Мирославич – татарин крещеный, в Орде его Салахмиром звали. В свое время, когда Владимир Пронский трон рязанский занял, он привел дружину свою в Рязань и помог Олегу Ивановичу престол отеческий вернуть. С тех пор они и породнились и верили друг другу безоглядно.

Слуга ушел за зятем Олега, и в комнате повисло молчание.

Вскоре явился Иван. Одет он был по-русски – в рубаше и штанах, однако лицом – вылитый татарин: узкие глаза, жиденькие вислые усы, редкая бородка. Известно ведь, у татар волосы на лице редкие и растут плохо.

Приложил татарин руку к сердцу, поклонился князьям.

– Садись, зять любимый! Разреши наш спор. Вот Федор Иванович опасается, что нынешним летом набег ордынский будет. Ты недавно от родичей вернулся, изнутри все видел, верю я тебе, как себе. Вот, разреши наши сомнения и тревоги.

– Непокойно в Орде – это правда. Тохтамыш приказал войска собирать, смотр проводить. Только на Русь они не пойдут.

– А куда?! – разом выдохнули оба князя.

– Я планов Тохтамыша не знаю – не та величина. Но в Орде говорят – война с Аксак-Тимуром будет.

– Кто такой? Не слыхал никогда!

Олег Иванович откинулся на спинку кресла.

– Его еще Железным Тимуром называют. В Орде говорят – приютил он молодого Тохтамыша когда-то, даже воинов дал. Друзьями были, а потом Тохтамыш в силу вошел, да и напал на владения Тимура, за что Тимуром был бит дважды. Неверный друг хуже собаки! – неожиданно вскричал крещеный татарин. Видимо, он имел основания не любить Тохтамыша.

– Ты погоди о Тохтамыше, ты о Тимуре расскажи, – перебил его Олег Иванович.

– Немного я знаю, не был в тех краях – далеко очень. Знаю, что столица Тимура в Самарканде, что армия велика и сильна, многие государства покорил он, к покорности привел. Все.

– Немного. А чего о Тимуре мне не сказывал?

– Чего говорить попусту? Где Тимур и где Рязань? Он и на земле Орды-то никогда не был, а от нее до Руси еще далеко. Нет, не дойдет. Да и чего ему здесь делать? Он врага своего, хана Тохтамыша покарать хочет.

– Тогда другое дело. Ты из Венева вернулся?

– Из него.

– Чего про Москву слыхать?

Три года назад Василий Дмитриевич присоединил к себе Нижегородское и Муромское княжество. Но о том, князь, ты уже ведаешь. Сейчас спит и видит, как бы Устюг, Вологду, Бежецкий Верх да земли Коми присоединить.

– То мне ведомо, – вставил Олег, – да руки у него пока коротки.

– А еще говорят, в Москву мастер, Феофаном кличут, по приглашению Василия приехал. Будет кремлевские храмы расписывать. Кто его работу в Благовещенском Соборе видел – восхищается: больно благолепно.

– Хм, интересно. Посмотрим, какой он мастер. Может, в Рязань потом переманим – чужеземцы деньги любят.

– А еще – первенец, сынок у Василия с Софьей родился, Юрием назвали.

– Слышал, посольство небольшое уже отрядил с подарками да поздравлениями. Еще что?

– Все, князь Олег Иванович.

– Спасибо, Иван Мирославич.

Зять княжеский откланялся и ушел.

– Ну, довольна твоя душенька, Федор Иванович?

– Да, успокоился немного.

– Так что отстраивайся; лето спокойное ноне будет, лишь бы Москва смуту не затеяла.

А не попариться ли нам в баньке, Федор свет Иванович?

– За приглашение благодарствую, да дома дел полно. Пожалуй, поеду я.

– Ну, как хочешь. Как говорится, хозяин-барин.

Слуги оседлали лошадей и вывели их из конюшни. Обнялся князь Федор Иванович с Олегом Ивановичем, расцеловался, сел в седло и выехал со двора. Вслед за ним вывели под уздцы своих лошадей со двора дружинники, вскочили в седла, и кавалькада чинно выехала из города. Простой люд, показывая пальцем на княжий выезд, кричал:

– Гляди, гляди, князь Елецкий!

Не знал тогда Федор Иванович, что это была его последняя встреча с Олегом Рязанским.

Выехав за ворота, они взяли с места в карьер. Гнали лошадей, гикали да свистели весело. Князя Елецкого охватил молодецкий задор. Настроение князя было великолепным, страхи его и опасения напрасными оказались.

Глава 3. Тохтамыш

Белой Ордой правил хан Тимур-Мелик, отличавшийся многочисленными слабостями и пороками. Поддержки среди огланов и беков он не имел, потому Тамерлан счел возможным дать Тохтамышу войско и отправить его на покое ордынского престола.

Столицей Белой Орды был город Сыгнак. И весной 1378 года под напором войск Тохтамыша Сыгнак пал.

Прибрав к рукам восточную часть Орды, Тохтамыш с войском вторгся в западную часть, где хозяйничал темник Мамай, прав на престол не имевший, ибо в жилах его не текла кровь Чингисхана.

Для Мамаю же год этот случился роковым. Вначале он потерпел жесточайшее поражение от князя Дмитрия с его союзниками на Куликовом поле и отступил с остатками войска, чем воспользовался Тохтамыш. Он напал на дезорганизованные остатки войск Мамаю у реки Калки и разбил его. Так Тохтамыш, сын Туй-Хаджи-Оглана, пришел к власти, став ханом Золотой Орды, хозяином улуса Джучи. Он принадлежал к потомкам Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи. Отец его, правитель Мангышлака, был казнен за неповиновение Урус-хану. Несовершеннолетний Тохтамыш бежал в Чагатайский улус, к Тимуру. С этого началось их знакомство.

После воцарения на ордынском троне Тохтамыш жесткой рукой пресек внутреннюю смуту, казнив недовольных. Но Орде требовались немалые деньги – на войско, жалование чиновникам, и Тохтамыш обрушился на русские земли, переставшие после Куликовской битвы платить дань.

В 1382 году он обманным путем вошел в Москву и сжег ее, как и другие древние русские города. Препятствуя усилению Москвы, Тохтамыш поддерживал ее соперников – тверских и нижегородских князей и князя Рязанского.

Узнав о вторжении татар на Русь, князь Дмитрий Донской и Владимир Андреевич Храбрый уехали в Кострому и Волок Ламский для сбора войск. Митрополит Киприан укрылся в Твери.

После взятия Тохтамышем Серпухова народ в Москве охватила паника. На помощь Москве пришел с воинством литовский князь Остей.

Тохтамыш подошел к Москве 24 августа. Город храбро защищался, однако нижегородские князья Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевич, подосланные Тохтамышем, заверили москвичей, что хан ничего дурного с жителями не сделает. Обманутые жители 26 августа открыли ворота Тохтамышу.

Но хан и не думал сдерживать слова, данного москвичам. Начались резня и грабежи.

Уходя, татары подожгли город.

После падения Москвы печальной участи подверглись Переяславль, Владимир, Юрьев, Звенигород, Можайск, рязанские земли.

Набегов на Русь хан больше не предпринимал, бросив все силы на завоевание более богатых областей.

Первым был ограблен и разорен Тебриз, где только пленных было взято девяносто тысяч. Затем были Миранда, Нахичевань, где было пленено более двухсот тысяч.

Однако дальновидный Тимур захватил Грузию, отрезав Тохтамыша от лакомой добычи в Иране. В ответ Тохтамыш заключил союз с давним врагом Тимура – эмиром Могулистана Номар-ад-дином, намереваясь нанести двойной удар – с севера и востока – по Тамерлану.

Вначале все шло по плану союзников, но как только Тимур, бывший в это время в Ширазе, выслал на подмогу Самарканду, Бухаре и Саурану конницу, золотоордынцы отступили.

В ответ Тимур в 1391 году пошел на Орду войной, и при реке Кондурче разбил огромное двухсоттысячное войско Тохтамыша, собранное из черкесов, болгар, русских, кипчаков, башкиров и мокши.

Разгром был катастрофическим, но Тимур совершил ошибку, не пройдясь огнем и мечом по Орде, не догнав и не убив Тохтамыша. Зато ордынский хан развил кипучую деятельность, собирая новое войско.

Столица Орды процветала во многом благодаря рабскому труду. Ремонтировали и расширяли водопровод, благо Итиль был рядом, ведь Сарай-Берке находился на левом берегу Ахтубы, притока Итиля. В городе благоухали парки, журчали фонтаны, в богатых домах были бассейны с рыбками. А над городом, на верхушке дворца хана, гордо возвышался полумесяц из золота в два кынтаря весом. В часы намаза с многочисленных мечетей звучали призывы муэдзинов, сзывающие правоверных на молитву. Шумели многочисленные рынки, поражая обилием товаров – от рыбы из Итиля до синдского шелка и рабов из покоренных земель. Жители посещали общественные бани, учились в медресе. Жизнь в городе текла спокойно.

Вот только радовались этой жизни в Сарай-Берке коренные жители. Для многочисленных рабов жизнь в Золотой Орде и ее городах казалась адом.

Рабы строили мечети, медресе, караван-сарай, дома, рыли колодцы, тянули водопровод, пасли скот, обрабатывали огороды. С них собирали урожаи брюквы, репы, капусты, бобов. В садах зрели виноград, гранат, айва, яблоки, груши, персики, орехи. А дыни на бахчах были просто великолепны!

На полях росла пшеница, и урожай ее был сам-пятьдесят, а в некоторых районах – и сам-сто. Столь же плодородны были поля проса, гороха, ячменя.

Были, конечно, и неудобья, солончаковые земли.

Но главным богатством Золотой Орды были степи, поросшие ковылем, где паслись тучные стада баранов и табуны лошадей – этого неиссякаемого источника мобильности Орды и ее экономического благополучия.

Охота же служила развлечением для знати – особенно соколиная и барсовая.

Широко распространена была рыбная ловля, но это занятие было уделом людей небогатых. Итиль с его многочисленными притоками, обилие рыбы в реках, в том числе дорогого осетра, делали рыбную ловлю занятием прибыльным. Рыбу солили, вялили, коптили.

Многочисленно было племя купцов, и торговля процветала. Орда вела морскую торговлю через Каспий и Черное море. В Крыму располагались торговые города: Солдайя (Судак), Кафа (Феодосия), Чембало (Балаклава).

Вторым направлением была торговля караванная – по старым торговым путям на верблюдах и лошадях. Даже центры торговые сложились, вроде Хаджитархана (Астрахани), Булгара, Ургенча, Сарайчика на Яике, обоих Сараев – Бату и Берке. Перечень товаров был обширен – различные меха, кожа, дорогая рыба, воск, мед, соль, шелк, камка, перец, зерно, ткани, ковры, серебряные изделия, жемчуг, краска.

Ну а рабы – отдельная статья. Количество их возросло после удачных военных походов, но тогда падала цена. Жизнь раба для его владельца ничего не стоила.

А во дворце журчал фонтанчик, на лужайке зеленела молодая травка. Хан сегодня был в хорошем расположении духа. В бане его хорошенько пропарили, сделали массаж, втерли в кожу благовония. На пути ко дворцу его встретил сокольничий – бей Кутлукай, поклон отбил. Хан кивнул самодовольно, выслушал поток лести и здравицу.

– Как там мой любимец, Тукле-Аяк?

– Прекрасно поживает, но жаждет, когда ты снимешь с него черный колпачок и спустишь с руки. Засиделся совсем.

Тукле-Аяк был охотничьим соколом редкого черного окраса – птицей молодой, сильной, добычливой. Завидовали хану вельможе, а персы так и вовсе просили продать птицу, предлагая за нее золото по весу ее. Но что хану золото? Один блеск! Что может сравниться с азартом охоты, когда кровь кипит в жилах и сердце отчаянно колотится?

– Скоро, Кутлукай, уже скоро. Сегодня – прием диван-беги, потом – Нур-Девлет, к дочкам-близнецам Ханеке и Кюнеке обещал зайти. Завтра – обещал сыновьям Искандеру, Кучуку и Абу-Саиду на охоту с барсом выехать.

– Вот так всегда, глубокоуважаемый хан. На первом месте – барсники.

– Барсами еще мой дед, Кутлук-Ходжа занимался. Как я могу отказаться от такой охоты?

Кутлукай склонился в поклоне, а Тохтамыш проследовал мимо.

Войдя во дворец, он задержался, раздумывая: пойти на женскую половину или сразу – в свои покои? Пожалуй, сначала в зал приемов. Деньги – главное! Сама армия удовольствуется и трофеями, а нойонов, беков и прочую знать прикармливать надо.

В этом отношении хорошо Тимуру, врагу его. У него в войске гулямы, воины умелые и самое главное – беспрекословно подчиняющиеся своим начальникам. И об умении их пользоваться особыми приемами легенды ходят. Каждый из них должен уметь на скаку кончиком копья поддеть колечко, которое другой гулям двумя пальцами держит.

У Тохтамыша же конница – в основном из ополченцев, диких степняков. На лошадях они ездят отлично, садясь на них сызмальства. Из луков стреляют метко, саблями рубятся отчаянно. Но! Воинского порядка не любят, дисциплины не понимают, и выбить из них этого нельзя – не понимают, и научить их этому невозможно.

Да еще и с союзниками, с их войсками считаться приходится! Одна русская пехота чего стоит. Вон, суздальский князь сыновей своих, Семена и Василия, с воинами прислал. А коней не дал, да и сражаться урусы только в пешем строю могут. Спору нет, нужна пехота – с флангов прикрыться, при осаде городов. Но уж больно медлительна!

После разговора с диван-беги, долгого и тягостного, хан направился к дочерям. Раз обещал – слово надо держать.

Войдя на женскую половину и подойдя к комнатам близняшек, он услышал девичий визг. Пинком ноги он распахнул двустворчатую дверь.

Одна из близняшек при его появлении прекратила кричать. Платье ее было обрызгано чем-то темным. Рядом с растерянным видом стояла побледневшая служанка с чайником в дрожащей руке.

– Хан, она испортила мое платье! – Ханеке вскочила и бросилась к отцу.

– Успокойся, девочка, она больше не войдет в твою комнату. Эй, евнухи!

В дверях появились двое мужиков с расплывшимися, по-бабьи безволосыми лицами.

– Выпороть служанку плетью и пусть ухаживает в конюшне за ослами!

– Слушаемся, эфенди!

Евнухи подхватили испуганную служанку под руки и поволокли на задний двор к хозяйственным постройкам.

Тохтамыш погладил Ханеке по голове, с гордостью глядя на расцветающую юную дочь, и подумал: «Совсем уже взрослая стала, скоро четырнадцать лет исполнится. Пора приглядывать ей жениха, а потом – и замуж. Только с женихом не прогадать бы – чтобы из знатного и уважаемого рода был, где воинов много, дабы в верных подданных ходил, на кого опереться можно». Помнил еще хан времена замятни, когда за короткое время сменилось двадцать пять правителей Орды. Некоторые по три месяца всего успели посидеть на троне. Кого потом претенденты зарезали, кого отравили, потому как недалёковидными были. Пришел к власти – в первую очередь недовольных и конкурентов убери. Если надо – казнить можно, придумав подходящий повод, или из Орды выслать, чтобы не мучили народ. И никто

тогда слова поперек сказать не сможет. Хан в Орде – всевластный хозяин, может казнить или миловать любого. Сам Тохтамыш прошел через это, на своей шкуре почувствовал жесткие законы ханского двора и успешно применял их. Недовольные, конечно, были – как без этого, но и Тохтамыш не дремал, окутал сетью доносчиков всю Орду.

Особенно беспокоило его положение в Крыму. Города крымские далеко, от соседей, греков да генуэзцев, всяких мыслей дурных хватались. Подчинить бы себе весь Крым, но это – война. А у хана сейчас другие заботы – вон, лазутчики доносят, Тимур снова зубы точит. Спит и видит Железный Хромец, как бы Орду себе подчинить, лишить ее могущества. Ведь Орда – перекресток торговых путей, это поток дани от русских княжеств, это водный путь на север. Только Аллах на его стороне. Были уже битвы с Тимуром, и хоть хан победы не одержал, так хоть на престоле сумел удержаться и власть сохранил. По всему выходит – ничья в военном раскладе, как в шахматах.

Лазутчики подвести не должны, сообщат вовремя. Это Тимуру с войском идти далеко, а хан за десять дней войско, которое не будет вымотано долгим переходом, соберет. Единственное, над чем подумать надо, – так это над переправой. Итиль – река широкая, полноводная. Пожалуй, послать в Булгар кого-то из нойонов надо, пусть суда речные пригонят, тогда воинов и лошадей переправить можно. У булгар судов много, не убудет.

– Ты о чем задумался, отец? – прервала его раздумья дочь.

– О делах государства и замужестве твоём.

Щеки дочери вспыхнули.

– Наверное, уже присмотрела себе багатура?

– Да, отец!

– И кто же он, из какого рода?

– Нуруддин, сын Идигея, – едва слышно произнесла Ханеке.

– Что?! – Тохтамышу показалось, что он ослышался. – Повтори!

– Нуруддин, сын Идигея...

– Не бывать тебе замужем за Нуруддином! – чуть не закричал Тохтамыш. – Ты же знаешь, что он – сын изменника и предателя. Отец его к Тимуру хромоногую переметнулся, чтобы их обоих Аллах покарал!

Ханеке стояла, опустив глаза.

– По сердцу он мне, – прошептала она.

– Я тебе сам мужа подберу достойного, чтобы из знатного рода был, богат и удачлив, в битвах себя храбрецом проявил. А главное – чтобы род его мне предан был и не злоумышлял измены.

Хан резко повернулся и вышел из девичьей.

Вот всегда так. Печешься о силе государства, о благоденствии подданных, а о дочерях забыл. А они, паршивки, не на тех смотрят. Ничего, он подберет им – и как можно скорее – видных мужей. И пусть Ханеке выбросит этого Нуруддина из головы. Как только ей в голову такое могло прийти?!

Немало расстроенный, хан прошел в свою опочивальню и улегся в халате на широкое ложе под балдахином. Надо обдумать, за кого выдать дочерей-близняшек. Хан и не сомневался, что они не посмеют ослушаться отцовской и ханской воли.

В опочивальню не слышно вошла рабыня в шароварах и полупрозрачной короткой кофточке по здешней моде. В мочке ее уха поблескивала модная серьга, указывая на принадлежность к рабам. Она поклонилась низко и спросила нежным голосом.

– Чего желает эфенди? Сладкого шербета, сушеного урюка или гранат?

– Желая подумать в тишине. Оставь меня!

Рабыня с поклоном вышла.

Хан откинулся на подушки и стал мысленно перебирать претендентов на руку каждой дочери. Родились в один день и замуж пусть выходят тоже в один день.

Неожиданно мысли его перекинулись на жен, коих было трое – Урун-бике, Тогай-бике и Шукр-бике-ага, дочери эмира Арсака. И все были плодовиты. Одних сыновей у него восемь. Коран позволял иметь четыре жены, а у него их три. Не взять ли еще одну, молоденькую? Разогнать застоявшуюся кровь? Пожалуй, надо это обдумать. Наложниц полно, и дети от них есть, но на престол они претендовать не могут.

За размышлениями хан не заметил, как впал в дрему, а потом и уснул.

Проснулся он бодрым, полным сил. Хлопнул в ладоши. Вошел один из телохранителей, стоявших у двери.

– Скажи слугам, пусть поесть принесут.

– Повинуюсь, мой господин.

Вскоре распахнулись двери, вошли слуги с подносами и уставили яствами низенький столик.

Повара явно знали, как угодить хану. На серебряном блюде лежали кусочки осетра, жаренные на вертеле, в стеклянной генуэзской вазе розовато светился виноград, алел гранат. Горкой лежала на блюде халва, в кувшине – горячий шербет.

Хан махнул рукой, и слуги удалились. Тохтамыш любил есть и размышлять, а возня слуг его отвлекала.

Тохтамыш вцепился зубами в горячий кусок осетра и чуть не замычал от удовольствия. Хорош! Потом не спеша поел винограда, попробовал халвы.

Как же он забыл о Беке Ярык-оглане? Вот за кого надо выдать дочь замуж. Происхождения благородного, воин храбрый, предан хану всемерно! Пожалуй, самый подходящий для Ханеке муж. А то, что разница в возрасте, – не беда. Не выдавать же ее замуж за сопливого мальчишку! И воинов у Ярык-оглана много. По всем статьям муж подходящий.

А на следующий день была охота с барсами. Это был целый выезд ордынской знати. Ехали приглашенные нойоны, беки, огланы – каждый со своими слугами и телохранителями. Некоторые имели своих барсов, животных в Орде редких и дорогостоящих.

От города отъехали фарсангов на пять – ближе охотиться было почти бесполезно, дичь близко к городу не подходила.

Они слезли с коней, взяли барсов на поводок, рассыпались редкой шеренгой по полю и медленно направились вперед.

Из кустов, что шли вдоль небольшого оврага, выскочил шакал и бросился наутек.

– Ату его!

Хан спустил с поводка беснующегося барса. Желтой стрелой барс кинулся догонять убегающего шакала. Быстро настиг, бросился в прыжке сверху. Клацнули клыки на шее. Жертва задергалась и испустила дух.

Хан стоял довольный. А как же! Первая добыча, его была.

Дальше пошли.

И повезло Алибеку из рода Кунграт. Его барс поймал зайца. Радостный Алибек высоко поднял добычу в руке – пусть все охотники видят и завидуют.

Еще один барс – хозяин Солтыган – смог лисицу взять. Где уж она пряталась – непонятно, однако шагов за сто до охотников вдруг выскочила как из-под земли, да наутек. Барс – за ней, а она хвостом вильнет – и в другую сторону. Только барс быстрее и выносливей оказался; догнав, в конце концов, переломил ей хребет мощными челюстями.

Подошел полдень. Слуги расстелили молитвенные коврики. Хан и его окружение совершили намаз.

Прислуга разостлала большой ковер, положила подушечки. Пока хан беседовал с охотниками, развели костер, резали взятого с собой барана и зажарили его. А пока баран еще

доходил на огне, хан и его военачальники отведали свежей пахлав, сушеной дыни, хлебнули кумыса.

Приложив руку к глазам, один из сидевших на ковре заметил:

– Всадник сюда скачет. Не гонец ли?

Все с интересом смотрели – проскачет мимо или свернет к расположению хана? Гонец – это всегда серьезно, никто не осмелится беспокоить хана по пустякам, нарушить его развлечение.

Подскакав, всадник соскочил с коня, упал на одно колено и приложил руку к груди.

– Прости, великий хан, но меня послал сам Али-бей!

Али-бей был главным советником Тохтамыш. Старый, прожженный, битый не в одной битве воин, мнением которого Тохтамыш дорожил.

– Говори!

Гонец выразительно посмотрел по сторонам.

– Прислуге отойти на тридцать шагов! – скомандовал хан.

Прислуга бросилась от ковра, на котором восседали хан и знать, врассыпную.

– Али-бей просил передать, что явился лазутчик из стана Тимура. Собрав большое войско, эмир Тимур вошел в наши земли.

На несколько мгновений наступила мертвая тишина. Тимур – это война!

У всех в голове мелькнула одна мысль: «Как далеко Тимур? Надо срочно собирать ополчение со всех улусов».

Первым пришел в себя Тохтамыш. Да и как иначе? Не умеет он быстро и точно принимать решения – не смог бы встать во главе Орды. Осипшим голосом он спросил гонца:

– Это все?

– Да, мой повелитель. Остальное – во дворце.

Хан вскочил на ноги. Обычно за плохую весть гонца лишали жизни, как правило, душили тетивой от лука. Но сейчас хану было просто не до гонца, поскольку известие казалось невероятным по своей сути.

– Коня мне!

Новость была слишком серьезной, чтобы пренебречь ею и продолжать развлечение.

Пока слуги подводили коня Тохтамышу, телохранители хана уже сидели в седлах. Срываться вот так, с места в галоп, им было не привыкать.

По дороге впереди летели пятеро телохранителей, за ними – хан в развевающемся халате. Замыкали кавалькаду еще двадцать воинов в полном боевом облачении – кольчугах и шлемах.

На подъезде к городу они сбавили темп, чтобы кони отдышались, да и прохожих пугать было ни к чему. Иначе тут же по базарам поползут слухи, что во дворце беда случилась. На каждый роток не накинешь платок.

Хан направил коня сразу к своему дворцу.

Въехав в предупредительно распахнутые стражей золоченые резные ворота, бросил поводья коня слуге, стоявшему у крыльца, и быстрым шагом направился к своему кабинету. У дверей его уже ожидал Али-бей, нервно теребивший аккуратно подстриженную бородку.

Едва войдя в кабинет, Тохтамыш уселся на возвышение, подложив под локоть подушку. Али-бей устроился на подушке напротив.

– Говори!

– Да простит меня, ничтожного, великий хан, да продлит Аллах его годы, да...

– Перестань, – поморщился хан, – я не для того прервал охоту, чтобы слушать твои извинения. Не испытывай мое терпение.

Али-бей кивнул. Дворцовый этикет требовал сладкого многословия, но старый мудрей его не одобрял.

– Ко мне явился лазутчик, человек доверенный, до того не подводивший. Он утверждает, что эмир Тимур с огромным войском уже вошел в наши земли.

– Как велико войско?

– Лазутчик утверждает – семь корпусов конница и пехота. Ну и как всегда у Тимура – вспомогательные отряды: инженеры, строители. Но этих можно в расчет не брать.

Хан на мгновение прикрыл глаза, мысленно прикидывая приблизительную численность вражеского войска. Выходило много. Он посмотрел в глаза Али-бею проницательным взглядом.

– Как думаешь, сколько?

Али-бей сразу понял вопрос.

– Полагаю, не меньше двухсот тысяч, – решительно сказал он.

– Я думаю также. Как далеко Тимур?

– В двухнедельном переходе.

Тохтамыш скрипнул зубами.

– Совсем рядом!

Хан пытался понять, почему враг так неожиданно оказался на его землях. Мысль работала бешено: «Ох и хитер Железный Хромец! Начал поход еще зимой и шел за растущей травой, по мере продвижения весны на север, чтобы дать коням корм».

– Кого и как быстро мы можем выставить?

– Надо посылать гонцов немедленно во все улусы – от Булгара до Крыма.

– Посылай!

– Уже написал всем, в первую очередь – Хаджи-беку из клана Суфи, что правит Крымским улусом. Ему идти дальше всех, зато на него можно положиться.

– Отдай распоряжение, пусть едут.

Али-бек встал, поклонился и вышел. Вернулся вскоре, удовлетворенно кивнул.

– Уже поехали. Гонцы были готовы, я ждал только твоего согласия, великий хан.

– Ты все сделал правильно, Али-бей. Клянусь, когда я разобью Тимура, ты получишь достойный тебя трофей. А теперь обсудим – на какие силы мы можем рассчитывать.

Обсуждали недолго, поскольку знали, сколько конных может выставить каждый улус. Выходило по численности – как у Тимура. Только у Тимура войско уже собрано в кулак, а когда подойдут воины из улусов – еще вопрос. Должны прибыть не позднее десяти дней. Из ближних улусов того же Сарай-Бату – дня через три-четыре. А из Крыма быстро не доберешься. Хорошо, если за две недели успеют. А ведь там воины сильные, да и сам Хаджи-бек – человек, преданный Тохтамышу.

– Где будем бой давать?

Али-бей вытащил из-за пазухи шелковый сверток, развернул. Это оказалась уже знакомая Тохтамышу вышитая карта. Али-бей поводил по ней пальцем.

– Мы можем успеть вот сюда.

Хан наклонился. Палец Али-бея упирался в голубую извитую ниточку.

– Это река Терек. Быстрая, почти всегда холодная. Перейти ее даже летом непросто, а сейчас, по весне, она полноводна. На ней и остановимся. Река – защита, переправляющиеся не смогут сохранить боевой порядок. Там мы и будем их бить.

– А успеем к сроку?

– До Терека и нам и Тимуру идти одинаково, если не будем медлить. У нас тумен Бектута, – напомнил Али-бей.

– Это который четыре года назад ходил на Хлынов и вернулся с трофеями?

– Он, – кивнул Али-бей.

– Передай ему мой приказ – сегодня же сниматься и идти к Тереку.

– Слушаюсь, мой повелитель.

По дворцу забежали слуги, помчались во все концы города гонцы, призывая к хану военачальников.

Бек Ярык-оглан, сын Бураджара и троюродный брат Бек-Суфи, единственное, что спросил у Тохтамыша, – не ведет ли Тимур с собой боевых слонов?

– Нет, мой багатур, лазутчик о том ничего не сказал.

Лошади боялись невиданных животных и поднимались на дыбы, мешая строй.

– Тогда разобьем Тимура, – уверенно заявил Бек Ярык.

– Услышал бы Аллах всемогущий твои слова, уважаемый бек.

Воины из самого Сарай-Берке, из юрт вокруг города поднимались в седла и колоннами, посотенно, направлялись в степь.

«Ничего, Тимур, мы еще посмотрим, чья возьмет! – злорадствовал хан. – Хотя надо отдать Хромцу должное – неожиданно нагрянул. Войны начинаются всегда летом – когда тепло, когда есть трава для лошадей. Необычное время Тимур выбрал, можно сказать, врасплох застал. Ничего, я это припомню, когда войско его разгромлю. Нету воинства сильнее, чем у Золотой Орды!»

Хан даже грудь выпятил от гордости. По взмаху его руки, по его велению приходят в движение тысячи, десятки, сотни тысяч верных нукеров. Но в глубине души таился холодок, некое сомнение, даже, пожалуй, и страх. Войско у Тимура огромное, дисциплина железная, военачальники опытные, а сам Тимур мало того что хитер и мудр, так и решения у него всегда нетрадиционные и, как ни удивительно, приводящие к победе.

Неуверенность Тохтамышу еще придавали два предыдущих поражения от Тимура. Последнее, при Кондурче, было очень жестоким и кровопролитным. С обеих сторон было потеряно убитыми по половине войска, а это ни много ни мало – сто тысяч воинов. Таких быстро не вырастишь. Не одно сражение воин пройти должен, чтобы опыта набраться. Немногим удастся остаться в живых после трех-четырех битв. Зато оставшиеся были действительно хороши. Но и они не устояли перед гулямами Тимура. Потому хан и побаивался, хотя внешне храбрился.

И даже себе самому боялся признаться хан, что не уверен в исходе предстоящей битвы. От битвы, от ее исхода, зависит многое. Победит Тохтамыш – на многие годы Тимура уже можно будет не бояться, земли и улусы его захватить, пока он будет зализывать раны.

А если повезет Железному Хромцу, то это будет не просто победа в бою. Тохтамыш вместе с поражением потеряет престол. Всегда найдутся недовольные, имеющие право на престол, – тот же Тимур-Кутлук, в крови которого течет кровь Джучи. Или Идигей, верная собака Тимура, изменник и предатель, по которому плаха плачет, – он тоже будет рад освободившемуся трону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.